

СТИВЕН

ТЬМА, —
И БОЛЬШЕ НИЧЕГО

КИНГ

Король на все времена

Стивен Кинг

Тьма, – и больше ничего (сборник)

«Издательство АСТ»

2010

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

Кинг С.

Тьма, – и больше ничего (сборник) / С. Кинг — «Издательство АСТ», 2010 — (Король на все времена)

ISBN 978-5-17-086373-0

Такова традиция: раз в несколько лет — иногда пять, а иногда и семь — Стивен Кинг публикует новый сборник произведений «малой прозы». Чаще всего это рассказы, но иногда — четыре (обязательно четыре!) повести. Так было с «Четырьмя сезонами», в состав которых вошла легендарная «Рита Хейуорт и спасение из Шоушенка». Так было с книгой «Четыре после полуночи» с ее прославленными «Лангольерами». «Тьма, — и больше ничего» — очередной сборник из четырех повестей, завоевавший любовь читателей по всему миру: «1922 год» — история, которую критики уже назвали одним из лучших малых произведений Кинга. Фермер, убивший свою жену ради ста акров земли, понимает: возмездие придет... «Громила» — беспощадный рассказ о том, на что способна пойти женщина, чтобы отомстить насильнику... «Счастливый брак» — блестящая, оригинальная вариация «вечной» сказки о Синей Бороде... «На выгодных условиях» — потрясающее произведение, в котором Кинг вновь поднимает не раз поражавшую воображение читателей тему сделки с дьяволом. Бонус! Подарок Стивена Кинга самым преданным фанатам — рассказ «Нездоровье», который Мастер включил в переиздание сборника. Впервые на русском языке!

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-086373-0

© Кинг С., 2010

© Издательство АСТ, 2010

Содержание

1922 год[1]	6
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Стивен Кинг

Тьма, – и больше ничего (сборник)

1922 год¹

11 апреля 1930 года

Отель «Магнолия»

Омаха, штат Небраска

Всем заинтересованным лицам

Меня зовут Уилфред Лиланд Джеймс, и это мое признание. В июне 1922 года я убил свою жену, Арлетт Кристину Уинтерс Джеймс, и спрятал тело, сбросив в старый колодец. Мой сын, Генри Фриман Джеймс, содействовал мне в этом преступлении, впрочем, в четырнадцать лет он не нес за это ответственности. Я уговорил его, сыграв на детских страхах, за два месяца найдя убедительные аргументы для всех его вполне естественных возражений. Об этом я сожалею даже больше, чем о самом преступлении, по причинам, которые будут изложены в этом документе.

Поводом к убийству и осуждению на вечные муки моей души послужили сто акров хорошей земли в Хемингфорд-Хоуме, штат Небраска. Их завещал моей жене ее отец, Джон Генри Уинтерс. Я хотел добавить эту землю к нашей ферме, которая в 1922 году занимала восемьдесят акров. Моя жена – ей никогда не нравилась деревенская жизнь (да и быть женой фермера совершенно не хотелось) – собралась продать эти угодья «Фаррингтон компани» за наличные. Когда я спросил, хочет ли она жить с подветренной стороны свинобойни этой компании, она ответила, что мы можем продать хозяйство точно так же, как и акры ее отца, имея в виду ферму моего отца и моего деда. Когда я спросил ее, что мы будем делать с деньгами, но без земли, она ответила, что можем переехать в Омаху, даже в Сент-Луис, и открыть магазин.

– Никогда не буду жить в Омахе, – заявил я. – Большие города – для дураков.

Вот уж ирония судьбы, если учесть то, где я сейчас живу, но долго я здесь не останусь. Я знаю это точно так же, как знаю, что за звуки доносятся со стороны стен. И я знаю, куда попаду после того, как закончится моя земная жизнь. Задаюсь вопросом, окажется ли ад намного хуже Омахи. Возможно, это та же Омаха, только без тучных полей, которые окружают город со всех сторон. Лишь дымящаяся, воняющая серой пустошь, где полным-полно потерянных душ, как моя.

Мы яростно спорили с женой об этих ста акрах зимой и весной 1922 года. Генри оказался между двух огней, однако все больше склонялся на мою сторону. Внешне он многое унаследовал от матери, но землю любил не меньше меня. Этому послушному мальчику не передалась наглость его матери. Снова и снова он говорил ей, что не хочет жить ни в Омахе, ни в любом другом большом городе и уедет отсюда, если только она и я договоримся, а такого просто быть не могло.

Я подумывал над тем, чтобы обратиться к закону, уверенный, что любой суд этой страны подтвердит мое право – право мужа, – как и для чего использовать землю. Однако что-то меня

¹ 1922 © 2011. В.А. Вебер. Перевод с английского.

удерживало. Не страх перед соседскими пересудами, плевать я хотел на деревенские сплетни, а что-то еще. Я начал ее ненавидеть, начал желать ей смерти, и именно это удерживало меня.

Я верю, что в каждом живет кто-то другой. Коварный Человек, незнакомец. И я уверен, что к марту 1922 года, когда небо над округом Хемингфорд затягивали облака, а поля превратились в грязное месиво, местами тронутое снегом, Коварный Человек, живущий в фермере Уилфреде Джеймсе, уже вынес приговор моей жене и определился с ее судьбой. Это тоже правосудие, пусть оно и отличается от того, что вершат люди в черных мантиях. В Библии сказано, что неблагодарный ребенок – змеиный зуб, но вечно недовольная и неблагодарная жена острее этого зуба.

Я не чудовище. Я пытался спасти ее от Коварного Человека. Повторял ей: если мы не договоримся, поезжай к своей матери в Линкольн, в шестидесяти милях к западу. Подходящее расстояние, когда хочешь жить раздельно, еще не в разводе, но когда в сосуде семейной жизни уже появились трещины.

– И оставить тебе землю моего отца, как я понимаю? – спрашивала она, вскидывая голову.

Как же я стал ненавидеть это дерзкое движение, свойственное плохо выдрессированным пони, и фыркание, его сопровождавшее.

– Этому не бывать, Уилф.

Я говорил ей, что выкуплю у нее землю, если она на этом настаивает. Не сразу, конечно, лет за восемь, может, за десять, но выплачу все, до последнего цента.

– Это хуже, чем ничего, – отвечала она (с фырканием и вскидыванием головы). – Каждая женщина это знает. «Фаррингтон компани» заплатит все и сразу, а их последнее предложение будет гораздо более выгодным, чем твое. Опять же, я никогда не буду жить в Линкольне. Это не большой город, а та же деревня, где церковью больше, чем домов.

Видите, в какой я попал переплет? Понимаете, в каком оказался положении? Могу я рассчитывать хоть на толику вашего сочувствия? Нет? Тогда слушайте дальше.

Как-то ранним апрелем – это было практически восемью годами ранее – она пришла ко мне счастливая и сияющая. Чуть ли не целый день провела в салоне красоты в Маккуке, и ее волосы теперь обрамляли щеки пышными локонами, напоминавшими туалетную бумагу – такую видишь в гостиницах и ресторанах. Она сказала, что у нее появилась идея. Заключалась идея в том, что мы продаем «Фаррингтону» сто акров и ферму. Жена не сомневалась (и, наверное, была в этом права), что компания купит оба участка, потому что им очень уж хотелось приобрести землю ее отца, расположенную рядом с железной дорогой.

– А потом, – говорила эта наглая дьяволица, – мы разделим деньги, разведемся и каждый из нас начнет новую жизнь, никак не связанную с другим. Мы оба знаем, что ты хочешь именно этого.

Как будто она сама не хотела.

– Ага, – ответил я после паузы (словно серьезно обдумал ее идею), – и с кем из нас останется мальчик?

– Со мной, естественно. – Ее глаза широко раскрылись. – Четырнадцатилетний мальчик должен оставаться с матерью.

В тот самый день я начал «обрабатывать» Генри, поделившись с ним последним планом его матери. Мы сидели на сеновале. Я состроил самое скорбное лицо и заговорил самым скорбным голосом, рисуя картину, какой будет его жизнь, если матери удастся реализовать этот план: он лишится отца и фермы, учиться его определят в огромную школу, все его друзья (большинство – с младенчества) останутся здесь, а в городе ему придется бороться за место под солнцем, и все будут смеяться над ним и называть мужланом и деревенщиной. С другой стороны, говорил я, если мы сможем сохранить все эти акры, то расплатимся – и я в это верил – с банком к 1925 году, а потом заживем без долгов, полной грудью вдыхая чистый воздух, вместо

того чтобы с восхода до заката солнца наблюдать, как по нашей речке плывут свиные потроха. «Так чего ты хочешь?» – спросил я сына, нарисовав эту картину в мельчайших подробностях, которые только мог придумать.

– Остаться с тобой, папка, – ответил он. Слезы катились по его щекам. – Почему она оказалась такой... такой...

– Продолжай, – поощрил его я. – Правда – не ругательство, сын.

– *Такой сукой!*

– Потому что таковы в большинстве своем женщины, – объяснил я. – И этого в них не искоренить. Вопрос в том, что нам с этим делать.

Но Коварный Человек, который жил во мне, уже подумал о старом колодце за амбаром, из которого мы поили только животных. Он был мелким, глубиной футов двадцать, и с мутной водой. Требовалось лишь привлечь к этому сына. И другого выхода у меня не было, вы понимаете. Я мог убить жену, но должен был спасти своего любимого мальчика. Кому нужны сто восемьдесят акров – или тысяча, – если нет возможности разделить их с сыном, а потом ему и передать?

Я сделал вид, что серьезно обдумываю безумный план Арлетт по превращению хорошей пахотной земли в свинобойню. Я попросил ее дать мне время, чтобы свыкнуться с этой мыслью. Она согласилась. И следующие два месяца я обрабатывал Генри, стремясь, чтобы он свикся совсем с другой мыслью. Задача оказалась не из сложных – в мать он пошел внешнестью (внешность женщины, знаете ли, – это мед, который привлекает мужчин в улей, где полно жалящих пчел), но ее богомерзкого упрямства не унаследовал. Мне и требовалось лишь как можно ярче расписать его будущую жизнь в Омахе или Сент-Луисе. Я упомянул даже о том, что эти два человеческих муравейника могут не устроить ее, и тогда она решит переехать в Чикаго. «А уж там, – предупредил я, – ты будешь ходить в одну школу с ниггерами».

К матери Генри стал относиться с нарастающим холодком, и после нескольких попыток – неловких, отвергнутых – наладить отношения она тоже охладела к нему. Я (точнее, Коварный Человек) этому только радовался. В начале июня я сказал ей, что решил, всесторонне все обдумав, не давать согласия на продажу этих ста акров. Такая сделка обречет нас на нищету и разорит, вот к чему это приведет. Это известие она встретила спокойно. Сказала, что воспользуется услугами адвоката (Закон, как мы все знаем, благосклонно относится к тому, кто платит). Это я предвидел и улыбнулся, потому что она не могла заплатить за консультацию. К тому времени я полностью контролировал небольшую наличность, которой мы располагали. Генри даже отдал мне свою копилку, когда я его об этом попросил, чтобы она не смогла украсть деньги, пусть и жалкую мелочь. Она отправилась, само собой, в офис «Фаррингтон компани» в Диленде, в полной уверенности (и в этом я с ней соглашался), что они, в надежде приобрести желаемое, не возьмут с нее деньги за юридическую консультацию.

– Там ей помогут, и она выиграет дело, – сказал я Генри, когда мы в очередной раз сидели на сеновале, ставшем для нас местом обмена мнениями. Полной уверенности у меня не было, но я уже принял решение, которое пока, правда, еще не называл планом.

– Но, папка, это несправедливо! – воскликнул он. Там, на сене, он казался совсем юным, выглядел лет на десять, а не на четырнадцать.

– Жизнь полна несправедливостей, – ответил я. – Иногда единственное, что с этим можно сделать, – поступить, как считаешь необходимым. Даже если при этом кому-то будет причинен вред. – Я помолчал, изучая его лицо. – Даже если при этом кто-то умрет.

Он побледнел.

– Папка!

– Если она уйдет, ничего не изменится, – ответил я. – Только споры прекратятся. Мы сможем жить здесь в мире и покое. Я предлагал ей все, лишь бы она ушла по-хорошему, но она этого не сделала. И теперь мне остается только одно. *Нам* остается только одно.

– Но я ее люблю!

– Я тоже ее люблю. – И тут – хоть вы мне и не поверите – я не покривил душой. Ненависть, которую я испытывал к ней в 1922 году, сделалась столь велика именно потому, что ее составной частью была любовь. При всей озлобленности и упрямстве Арлетт была горячей женщиной. Наши супружеские отношения никогда не прекращались, хотя после того, как начались споры из-за этих ста акров, наши объятия в темноте все более напоминали случку животных. – Можно обойтись без боли, – добавил я. – А после того как все закончится... ну...

Мы вышли из амбара, и я показал сыну колодец, оказавшись рядом с которым он разрыдался горькими слезами.

– Нет, папка. Только не это. Никогда.

Но когда она вернулась из Диленда (большую часть пути проехала на «форде» Харлана Коттери, нашего ближайшего соседа, так что идти ей пришлось только две мили) и Генри принялся умолять ее оставить все как есть, чтобы мы вновь стали одной семьей, она вышла из себя, врезала ему по зубам и велела прекратить скулить, как собака.

– Твой отец заразил тебя своей робостью. Хуже того – он заразил тебя своей жадностью. Как будто она сама не страдала этим грехом!

– Адвокат заверил меня, что земля моя, я могу делать с ней все, что пожелаю, а я собираюсь ее продать. Что же касается вас обоих, вы можете сидеть здесь и на пару вдыхать запах жарящихся свиней, готовить еду и застилать кровати. Ты, сын мой, можешь пахать весь день, а всю ночь читать его нетленные книги. Ему они пользы не принесли, но, возможно, с тобой будет иначе, кто знает?

– Мама, это несправедливо!

Она посмотрела на своего сына, как женщина иногда смотрит на незнакомца, который позволил себе прикоснуться к ее руке. И как же я возрадовался, увидев, что Генри так же холодно смотрит на нее...

– Катитесь к дьяволу, вы оба! Что до меня, так я уеду в Омаху и открою галантерейный магазин. Я так понимаю справедливость.

Разговор этот происходил во дворе, между амбаром и домом, и фраза о справедливости завершила спор. Она пересекла двор, поднимая пыль элегантными городскими туфлями, вошла в дом и захлопнула за собой дверь. Генри повернулся ко мне – в уголке рта блеснула кровь, нижняя губа начала раздуваться. Глаза его горели обжигающей яростью, той яростью, ощущать которую способны только юные. Яростью, которая не останавливается ни перед чем. Он кивнул. Я кивнул в ответ, так же сдержанно, но в душе моей ликовал Коварный Человек.

Этот удар в зубы стал ее смертным приговором.

Двумя днями позже, когда Генри работал со мной на кукурузном поле, я увидел, что он снова дал слабинку. Меня это не испугало и не удивило. Между юностью и взрослостью лежат годы смятения: тех, кто их переживает, бросает из стороны в сторону, вертит, как флюгер; фермеры на Среднем Западе ставят такие штуковины на башнях элеваторов.

– Мы не можем, – сказал Генри. – Папка, она заблуждается. И Шеннон говорит, что тот, кто умирает, заблуждаясь, отправляется в ад.

«Черт бы побрал методистскую церковь и общество молодых методистов», – подумал я... но Коварный Человек только улыбался. Следующие десять минут мы обсуждали вопросы теологии посреди зеленых кукурузных побегов, тогда как облака раннего лета – самые красивые облака, похожие на небесные шхуны, – медленно проплывали над нами, таща за собой тени. Я объяснил сыну, что все будет с точностью до наоборот: Арлетт мы отправим не в ад, а в рай.

– Потому что для убитых мужчины или женщины миг смерти определен не Богом, а человеком. Его... или ее... изгоняют из этого мира до того, как он... или она... успевает иску-

пить свои грехи, поэтому всех их Бог прощает. Когда смотришь на это под таким углом зрения, получается, что каждый убийца открывает кому-то ворота в рай.

– А как же мы, папка? Мы не отправимся в ад?

Я обвел рукой поля, на которых зеленела кукуруза.

– Как ты можешь так говорить, когда видишь, какой вокруг рай? И тем не менее она собирается выгнать нас отсюда с той же решимостью, с какой ангел с огненным мечом выгнал Адама и Еву из Эдема.

Сын смотрел на меня. В тревоге. Мрачный. Меня печалило, что я отравляю его душу такими словами, но в глубине души верил тогда и верю теперь, что это ее вина, а не моя.

– И подумай, – продолжил я, – если она поедет в Омаху, то в аду ей выроют более глубокую яму. Если она заберет тебя с собой, ты станешь городским мальчиком...

– Никогда не стану! – прокричал он так громко, что вороны поднялись с изгороди и улетели в синее небо, словно клочки покрытой сажей бумаги.

– Ты молодой, станешь, – гнул свое я. – Забудешь все это... привыкнешь к городу... и начнешь рыть собственную яму.

Если бы он на это сказал, что убийцам никогда не воссоединиться со своими жертвами в раю, то поставил бы меня в тупик. Но то ли его теологические познания не отличались такой глубиной, то ли он не хотел об этом задумываться. И вообще, существует ли ад или мы сами создаем его для себя на земле? Оглядываясь на восемь последних лет моей жизни, я склоняюсь ко второму варианту.

– Как? – спросил он. – Когда?

Я ему ответил.

– А потом мы сможем и дальше жить здесь?

Я заверил его, что сможем.

– А больно ей не будет?

– Нет. Раз – и все.

Его это устроило. Однако ничего подобного не произошло бы, если бы Арлетт не спровоцировала все сама.

Мы решили поставить точку субботним вечером где-то в середине июня, который, насколько я помню, выдался таким же солнечным и теплым, как и в любой другой год. Летними вечерами Арлетт иногда выпивала стакан вина, но никак не больше. На то была причина: она относилась к тем людям, которые не могут выпить два стакана вина, чтобы потом не выпить четыре, шесть, целую бутылку. И еще одну, и еще. «Мне приходится быть очень осторожной, Уилф. Очень я люблю это дело. К счастью, у меня сильная воля».

В тот вечер мы сидели на крыльце, наблюдая, как последний дневной свет уходит с полей, и слушая убаюкивающее стрекотание цикад. Генри ушел в свою комнату. Он едва прикоснулся к ужину, и когда мы с Арлетт сидели на крыльце в одинаковых креслах-качалках, с вышитыми буквами «МА» и «ПА» на подушках сиденья, я вроде бы услышал, что где-то кого-то рвет, и подумал, что в решающий момент сын может сдрейфить, а его мать утром проснется в отвратительном настроении из-за похмелья, не зная, насколько близко подошла к тому, чтобы больше никогда не увидеть восход солнца в Небраске. И все же я решил продолжить реализацию плана. Почему? Потому что ничем не отличался от русской матрешки? Возможно. Возможно, все люди такие. Во мне жил Коварный Человек, а в нем – Надеющийся. Этот тип умер где-то между 1922 и 1930 годами. А Коварный Человек, сыграв свою роль, исчез сразу же. Без его планов и честолюбивых устремлений жизнь обратилась в пустоту.

Итак, я принес на крыльцо бутылку вина, но она накрыла рукой свой пустой стакан, когда я попытался его наполнить.

– Тебе незачем подпаивать меня, чтобы получить то, чего ты хочешь. Я тоже этого хочу. У меня все зудит. – Она развела ноги и сунула руку в промежность, чтобы показать, где у нее зудит. Внутри ее жила Вульгарная Женщина, – может, даже Шлюха, – и вино всегда на нее так действовало.

– Все равно выпей еще стакан, – настаивал я. – Нам есть что отпраздновать.

Она с опаской посмотрела на меня. Даже после единственного стакана вина ее глаза увлажнились (словно она оплакивала все то вино, которое хотела выпить, но не могла) и в закатном свете стали оранжевыми, как глаза фонаря-тыквы с горящей внутри свечой на Хэл-лоуин.

– Судебного иска не будет, – продолжил я, – и развода тоже. Если «Фаррингтон компани» сможет заплатить за мои восемьдесят акров так же щедро, как и за твои сто, наш спор окончен.

И тут, впервые за всю нашу семейную жизнь, у нее в прямом смысле *отвисла челюсть*.

– Что ты сказал? Я не ослышалась? Не вздумай душить мне голову, Уилф!

– Я не дую, – ответил Коварный Человек с убеждающей искренностью. – Мы с Генри много говорили об этом...

– Вы действительно постоянно шептались, это правда. – Она отняла руку от стакана, и я воспользовался представившейся возможностью. – Сидели то на сеновале, то около поленницы, то на дальнем поле, всегда голова к голове. Я думала, речь у вас шла о Шеннон Коттери. – Фыркание и вскидывание головы. Но мне показалось, что ей немного взгрустнулось. Она пригубила второй стакан. Два маленьких глотка – и она еще могла поставить его на столик и пойти спать. Четыре – и я мог снова протянуть ей бутылку. Не говоря уж о двух других, которые стояли наготове.

– Нет, – ответил я, – речь шла не о Шеннон. – Вообще-то я однажды видел, как Генри держал ее за руку, когда они шли в школу Хемингфорд-Хоума, от которой наш дом отделяли две мили. – Мы говорили об Омахе. Пожалуй, он готов переехать туда. – Я старался не перегибать палку после одного целого стакана вина и двух глотков из второго. Мою Арлетт отличала подозрительность, она всегда пыталась докопаться до истины. И разумеется, в данном случае ее раскопки наверняка дали бы результат. – Во всяком случае, он готов попытаться. Омаха не так уж и далеко от Хемингфорд-Хоума...

– Да, недалеко. Я тысячу раз повторяла это вам обоим. – Еще глоточек, и на этот раз стакан на стол она не поставила. Оранжевый свет на западе, постепенно переходящий в зелено-лиловый, казалось, горел в ее стакане.

– Если бы речь шла о Сент-Луисе, тогда совсем другое дело.

– Я отказалась от этой идеи, – ответила она. Это, естественно, означало, что она уже прикинула такой вариант и поняла, что это будет очень проблематично. И все, конечно же, за моей спиной. Все за моей спиной, за исключением визита к юристу компании, и это она сделала бы без моего ведома, если бы не желание использовать его как дубинку, которой она могла бы меня колотить.

– Компания возьмет все целиком, как думаешь? – спросил я. – Все сто восемьдесят акров?

– Откуда мне знать? – Еще глоток. Второй стакан наполовину опустел. Если бы я сейчас сказал, что она выпила достаточно, и попытался отобрать у нее стакан, она бы его мне не отдала.

– Ты знаешь, я не сомневаюсь. Ты думала о ста восьмидесяти акрах, как думала о Сент-Луисе. Ты *наводила справки*.

Она искоса посмотрела на меня, изучающе так посмотрела, потом хрипло рассмеялась:

– Может, и наводила.

– Наверное, мы сможем найти дом на окраине, – предположил я. – Чтобы видеть поле или два.

– И ты будешь там целыми днями просиживать зад в кресле-качалке на крыльце, отправив жену на работу? На-ка, наполни его. Если уж мы празднуем, так давай праздновать.

Я наполнил оба стакана. В свой только чуть-чуть добавил, потому что отпил всего глоток.

– Я подумал, что смог бы работать механиком. Ремонтировать легковые автомобили и пикапы, но в основном сельскохозяйственную технику. Если уж я поддерживаю в рабочем состоянии наш старый «фармол», – я указал стаканом на темный силуэт трактора, стоявшего рядом с амбаром, – то, пожалуй, сумею починить все, что угодно.

– И Генри тебя уговорил...

– Он убедил меня, что лучше попытаться жить счастливо в городе, чем остаться здесь одному. Это мне радости точно не принесет.

– Мальчик демонстрирует здравомыслие, а мужчина слушает! Наконец-то! Аллилуйя! – Она осушила стакан и протянула мне, чтобы я его вновь наполнил. Схватила меня за руку, наклонилась достаточно близко, чтобы я ощутил запах кислого винограда в ее дыхании. – Этим вечером ты, возможно, получишь то, что тебе нравится, Уилф. – Она коснулась языком – в пурпурных пятнах – верхней губы. – То, что считается непристойным.

– Буду ждать с нетерпением, – ответил я. Если бы все вышло, как мне хотелось, в кровати, которую мы делили пятнадцать лет, произошло бы нечто куда более непристойное.

– Давай позовем сюда Генри. – Она уже начала растягивать слова. – Я хочу поздравить его с тем, что ему наконец-то открылась истина. (Я уже упоминал, что глагол «благодарить» не входил в лексикон моей жены? Наверное, нет. Возможно, теперь это уже и незачем.) Ее глаза вспыхнули, потому что ее осенила новая мысль. – Мы нальем ему стакан вина! Он уже достаточно взрослый! – Она ткнула меня локтем, как делают старики, которые сидят на скамейках по обеим сторонам лестницы здания суда, рассказывая друг другу похабные анекдоты. – Если мы сможем чуть развязать ему язык, то, возможно, выясним, не проводил ли он время с Шеннон Коттери... Маленькая шлюшка, но волосы у нее красивые, это точно.

– Сначала выпей еще стакан, – предложил Коварный Человек.

Арлетт выпила два, и бутылка опустела (первая бутылка). К тому времени она уже пела «Авалон»² голосом менестреля и закатывала глаза, как менестрель. Смотреть было противно, слушать – еще противнее.

Я пошел на кухню за второй бутылкой вина и решил, что самое время позвать Генри. Хотя, как и говорил, особых надежд не питал. Это можно было сделать лишь при условии, что сын согласится помочь, а я сердцем чувствовал, что он даст задний ход, когда от разговоров придется действительно переходить к делу. При таком раскладе мы бы просто уложили ее в постель, а утром я бы сказал ей, что передумал насчет продажи земли моего отца.

Генри пришел, и его бледное, несчастное лицо однозначно позволило мне заключить, что об успешной реализации плана лучше забыть.

– Папка, я думаю, что не смогу, – прошептал он. – Это же мама.

– Не сможешь, так не сможешь. – И это говорил я, а не Коварный Человек. Я смирился: будь что будет. – В любом случае она счастлива впервые за последние месяцы. Пьяна, но счастлива.

– Не просто навеселе? Она напилась?

– Не удивляйся. Для счастья ей нужно только одно: чтобы все было, как она хочет. Ты провел рядом с ней четырнадцать лет, но так ничего и не понял.

Нахмурившись, Генри прислушался к звукам, доносившимся с крыльца, где женщина, которая дала ему жизнь четырнадцатью годами раньше, запела – не так чтобы мелодично, но не пропуская ни слова – «Грязного Макги». Генри хмурился, слушая эту разухабистую, непристойную песню, возможно, его коробил припев («Она хотела помочь ему вставить / Ей нра-

² «Авалон» – популярная песня, впервые исполненная в 1920 г. Элом Джолсоном. – Здесь и далее примеч. пер.

вился грязный Макги»), а может, раздражало, что она, напившись, растягивала слова. Годом раньше, в День труда, на собрании общества молодых методистов сын дал слово воздерживаться от употребления спиртных напитков. Шок, который он испытывал, у меня, конечно, вызывал смех. Пока подростков не начинает мотать, как флюгер при порывистом ветре, они очень похожи на нестигаемых пуритан.

– Она хочет, чтобы ты присоединился к нам и выпил стакан вина.

– Папка, ты же знаешь, я обещал Господу, что никогда не буду пить.

– Это тебе придется улаживать с ней. Она хочет праздника. Мы продаем землю и переезжаем в Омаху.

– *Нет!*

– Что ж... посмотрим. Решать тебе, сын. Пошли на крыльцо.

Арлетт, пошатываясь, поднялась, когда увидела сына. Обхватила его за талию, прижалась к нему, пожалуй, слишком уж плотно и начала покрывать лицо чересчур страстными поцелуями. Дурно пахнущими поцелуями, если судить по тому, как он при этом кривился. Коварный Человек тем временем наполнял ее стакан, который опять опустел.

– Наконец-то мы все вместе! Мои мужчины прозрели! – Она подняла стакан, словно пролившись тост, и выплеснула немалую часть вина себе на грудь. Тут же рассмеялась и подмигнула мне: – Будешь хорошо себя вести, Уилф, позже я позволю тебе высосать это вино из материи.

Генри смотрел на нее в замешательстве, на его лице отразилось отвращение, когда она вновь плюхнулась на кресло-качалку, вскинула юбки и зажала их между колен. Арлетт заметила его взгляд и рассмеялась:

– Нечего быть таким ханжой. Я видела тебя с Шеннон Коттери. Маленькая шлюшка, но у нее красивые волосы и аппетитная попка. – Она допила вино и рыгнула. – Если ты ее еще не пощупал, то дурак. Только тебе лучше быть осторожным. В четырнадцать уже можно жениться. У нас в четырнадцать можно жениться даже на кухне. – Она рассмеялась и протянула мне стакан. Я наполнил его из второй бутылки.

– Папка, ей хватит. – Генри говорил осуждающе, как священник. Над нами появились первые звезды и принялись подмигивать, зависнув над бескрайней равниной, которую я любил всю жизнь.

– Ну, не знаю, – ответил я. – «*In vino veritas*»³, – так сказал Плиний Старший... в одной из книг, которые презирает твоя мать.

– Рука на плуге весь день, нос в книге всю ночь, – фыркнула Арлетт. – За исключением того времени, когда он кое- что другое совал в меня.

– *Мама!*

– «*Мама*!» – передразнила она Генри, потом указала стаканом в сторону фермы Харлана Коттери, которая располагалась слишком далеко, чтобы мы могли видеть огни в окнах. Теперь, когда кукуруза поднялась достаточно высоко, мы не смогли бы их увидеть, даже если бы ферма соседа находилась на милю ближе. Когда в Небраску приходит лето, каждый дом словно превращается в корабль, плывущий в зеленом океане. – За Шеннон Коттери и ее пробивающиеся грудки! И если мой сын не знает цвета ее сосков, тогда он дубина стоеросовая.

Мой сын на это ничего не ответил, но его потемневшее лицо порадовало Коварного Человека.

Арлетт повернулась к Генри, схватила его за руку и плеснула вином ему на запястье. Не обращая внимания на неудовольствие сына, вглядываясь в его лицо с внезапно вспыхнувшей в глазах жестокостью, она продолжила:

– Только уж постарайся ничего в нее не совать, когда ляжешь рядом с ней в кукурузе или за амбаром. – Она сжала пальцы второй руки в кулак, оттопырила средний палец и обвела им

³ Истина в вине (лат.).

промежность Генри: левое бедро, правое бедро, правую сторону живота, пупок, левую сторону живота, вновь левое бедро. – Щупай что хочешь, трись своим Джонни Маком, пока ему не станет хорошо и из него не брызнет, но не лезь в уютное местечко, иначе потеряешь свободу на всю жизнь, как твои мамуля и папуля.

Сын встал и ушел, храня молчание, и я его не виню. Представление получилось очень уж вульгарным, даже для Арлетт. На его глазах произошла разительная перемена: из матери, женщины своенравной, но любимой, она превратилась в содержательницу борделя, дающую советы зеленому клиенту-сосунку. В этом не было ничего хорошего, а поскольку он питал к Шеннон Коттери нежные чувства, сцена только усугубила ситуацию. Юноши возносят свою первую любовь на пьедестал, а если кто-то походя плюет на идеал... пусть даже собственная мать...

Я услышал, как хлопнула дверь, и вроде бы до моих ушей донеслись рыдания.

– Ты оскорбила его в лучших чувствах, – заметил я.

Она высказалась в том смысле, что *чувства*, как и *справедливость*, – последнее прибежище слабаков. Потом протянула стакан. Я наполнил его, зная, что утром она не вспомнит ничего из сказанного сегодня (при условии, что сможет встретить следующее утро) и будет все отрицать, причем яростно, если я попытаюсь ее просветить на этот счет. Я уже видел ее в таком состоянии, но это было давно.

Мы добились вторую бутылку (точнее, она) и половину третьей, прежде чем ее подбородок упал на залитую вином грудь, и она захрапела. Храп звучал, как рычание злобного пса.

Я обнял ее за плечи, руку сунул под мышку и поднял на ноги. Она сонно запротестовала, шлепнув меня липкой от вина рукой:

– Оставь меня в покое. Хочу спать.

– Ты и будешь спать, – ответил я. – Только в кровати, а не на крыльце.

Я провел ее – спотыкающуюся и всхрапывающую, причем один глаз был закрыт, а второй замутнен – через гостиную. Генри стоял на пороге своей комнаты – его лицо казалось бесстрастным и более взрослым, чем когда бы то ни было. Он кивнул мне. Одно движение головы – но оно сказало мне все, что я хотел знать.

Я уложил Арлетт на кровать, снял туфли и оставил храпеть. Ноги ее были раскинуты, рука свесилась вниз. Вернувшись в гостиную, я увидел, что Генри стоит у радиоприемника, который Арлетт уговорила меня купить годом раньше.

– Не должна она говорить такое про Шеннон, – прошептал он.

– Но она скажет это еще не раз, – ответил я. – Такая уж она, такой ее сотворил Господь.

– И она не может разлучить меня с Шеннон.

– Она и это сделает, если мы ей позволим.

– Не мог бы ты... папка, не мог бы ты найти себе адвоката?

– Ты думаешь, адвокат, услуги которого я смогу оплатить теми жалкими деньгами, которые лежат на моем банковском счете, устоит против адвокатов, выставленных «Фаррингтон компани»? Эта фирма пользуется в округе Хемингфорд немалым влиянием. А мне по силам только махать косой на поле. Им нужны эти сто акров, а Арлетт хочет их продать. Есть только один способ, но ты должен мне помочь. Поможешь?

Генри долго молчал. Он наклонил голову, и я увидел слезы, полившиеся из его глаз на вязанный крючком ковер. Потом он прошептал:

– Да. Но если мне придется смотреть... я не уверен, что...

– Я сделаю так, чтобы ты помогал, но не смотрел. Пойди в сарай и принеси джутовый мешок.

Он пошел и принес. Я же взял на кухне самый острый нож для разделки мяса. Когда сын вернулся и увидел нож, его лицо побледнело.

– Это обязательно? Не можешь ты... подушкой?..

– Слишком медленно и болезненно, – ответил я. – Она будет сопротивляться. – Он принял мои слова на веру, словно я обладал опытом, убив до жены с десятков женщин. Но я никого не убивал. Мог сказать только одно: во всех моих не очень- то определенных планах – точнее, грезах – по избавлению от Арлетт я всегда видел себя с ножом, который сейчас держал в руке. Так что именно этому ножу предстояло стать орудием убийства. Нож – или ничего.

Мы стояли в свете керосиновой лампы – электричество, если не считать генераторов, появилось в Хемингфорд-Хоуме только в 1928 году – и смотрели друг на друга. Нас окружала тишина ночи, особенно глубокая в кукурузных полях, нарушаемая лишь малоприятным храпом Арлетт. Но при этом в комнате присутствовало нечто еще – неотвратимая воля, которая словно существовала отдельно от этой женщины (уже тогда я подумал, что почти физически ощущаю рядом ее; восемью годами позже я в этом уверен). Если хотите, это некий призрак, но призрак, который находился в доме еще до того, как умерла женщина, которая им стала.

– Хорошо, папка. Мы... мы отправим ее в рай. – При этой мысли лицо Генри прояснилось.

И каким же отвратительным теперь мне все это представляется, особенно когда я думаю, как он закончил свой путь на этой земле.

– Все произойдет быстро, – пообещал я. И подростком, и взрослым мне приходилось перерезать горло десяткам свиней, и я рассчитывал, что все так и будет. Ошибся.

Давайте я все расскажу по-быстрому. Ночами, когда я не могу спать, – а их много, – в голове у меня все проигрывается снова и снова: каждый удар, стон, каждая капля крови, все как в замедленной съемке. Поэтому давайте я все расскажу по-быстрому.

Мы направились в спальню, я – первым, с мясницким ножом в руке, мой сын – следом, с джутовым мешком. Вошли на цыпочках, но могли бы бить в барабаны – все равно не разбудили бы ее. Я взмахом руки велел Генри встать справа от меня, у ее головы. Теперь мы слышали не только храп, но и тиканье будильника «Биг-Бен» на прикроватной тумбочке, и мне в голову пришла странная мысль: мы – врачи у смертного одра важной пациентки. Но я все-таки думаю, что врачи у смертного одра не дрожат от чувства вины и страха.

Пожалуйста, не надо много крови, подумал я. Пусть она вся останется в мешке. И будет лучше, если он сейчас скажет, что не хочет этого, в последнюю минуту.

Но он не сказал. Возможно, решил, что я возненавижу его за это; может, мысленно уже отправил ее на Небеса; может, помнил бесстыдный средний палец, берущий в круг его промежность. Не знаю. Знаю только, что он прошептал: «Прощай, мама», – и надел мешок ей на голову.

Она всхрипнула и попыталась стянуть мешок с головы. Я собирался сунуть нож в мешок и там уже сделать все, но Генри приходилось плотно прижимать мешок к голове, чтобы она из него не выскользнула, так что реализовать задуманное не получалось. Я увидел ее нос, натягивающий мешковину, он был как акулий плавник. Я увидел панику на лице сына и понял, что он вот-вот убежит со всех ног.

Тогда я оперся коленом о кровать, а рукой ухватил ее за плечо. Полоснул через мешковину по шее под ней. Арлетт закричала и стала вырываться еще яростнее. Кровь полилась через разрез в мешке. Руки жены поднялись и принялись лупить воздух. Генри с пронзительным воплем отскочил от кровати. Я пытался удержать Арлетт, а она уже стягивала мешок с головы обеими руками. И тут я полоснул по одной, разрезав три пальца до кости. Она закричала вновь, тонко и пронзительно, крик вонзился в уши, как острая сосулька. Рука упала на покрывало. Я пробил еще одну дыру в мешковине, и еще, и еще. Нанес пять ударов, прежде чем она оттолкнула меня неповрежденной рукой и стянула джутовый мешок с лица. Совсем снять его она не смогла – он зацепился за волосы и теперь напоминал сеточку, которую надевают, ложась в кровать, чтобы не испортить прическу.

Следующими двумя ударами я разрезал ей шею, первый из них оказался достаточно глубоким, чтобы показалась трахея. Последние два пришлось в щеку и рот, и теперь она улыбалась, как клоун, до самых ушей, и в разрезе виднелись зубы. Из горла вырвался сдавленный рев, такой звук мог издать лев перед тем, как наброситься на жертву. Кровь выплеснулась из шеи и долетела до изножья кровати. Я тогда еще подумал, что она как вино в стакане, подсвеченное закатным солнцем.

Арлетт попыталась подняться с кровати. Сначала я застыл как оглушенный, потом меня охватила дикая ярость. С первого дня нашей семейной жизни она доставляла мне одни проблемы и не изменила себе даже теперь, при нашем кровавом разводе. А чего еще я мог от нее ожидать?

– *Ох, папка, останови ее!* – взвизгнул Генри. – *Останови ее, папка, ради Бога, останови!*

Я прыгнул на нее, как страстный любовник, и завалил назад, на пропитанную кровью подушку. Новые хрипы вырывались из ее порезанной шеи. Вытаращенные глаза вращались, из них бежали слезы. Я запустил руку в ее волосы, дернул голову назад и вновь полоснул ножом по шее. Затем сдернул покрывало с моей половины кровати и набросил ей на голову, поймав все, кроме первого выброса из яремной вены. Кровь брызнула мне в лицо, горячая кровь, которая заструилась с моего подбородка, носа и бровей.

Крики Генри за моей спиной прекратились. Обернувшись, я увидел, что Господь пожалел его (при условии, что Он не отвернул лицо, когда увидел, чем мы занимаемся): мальчик лишился чувств. Арлетт вырывалась уже не так активно. Наконец затихла... но я по-прежнему лежал на ней, прижимая покрывало, которое уже пропиталось ее кровью. Я напомнил себе, что она ни в чем и никогда не облегчала мне жизнь. И снова оказался прав. Через тридцать секунд (их отсчитали часы в жестяном корпусе, заказанные по каталогу и полученные по почте) она так резко и высоко изогнула спину, что едва не сбросила меня с кровати. *Давай, ковбой, объезжай,* подумал я. А может, произнес вслух. Этого я не помню, да поможет мне Бог. Все остальное помню, но не это.

Она вновь затихла. Я отсчитал тридцать жестяных тиков – и тридцать еще, для гарантии. На полу зашевелился и застонал Генри. Попытался сесть, потом передумал. Отполз в дальний угол комнаты и там свернулся в клубок.

– Генри! – позвал я.

Клубок в углу не отреагировал.

– Генри, она мертва. Она мертва, и мне нужна помощь.

Никакого ответа.

– Генри, поворачивать назад слишком поздно. Дело сделано. Если не хочешь сесть в тюрьму сам и отправить на электрический стул отца, поднимайся и помогай мне.

Он припелся к кровати. Волосы падали на глаза, блестящие сквозь слипшиеся от пота пряди, будто глаза зверька, прячущегося в кустах. Он то и дело облизывал губы.

– Не наступай туда, где кровь. Нам и так придется здесь все отчищать, работы будет больше, чем я ожидал, но мы справимся. Если только не разнесем кровь по всему дому.

– Я должен смотреть на нее? Папка, я должен *смотреть*?

– Нет. Никто из нас не должен.

Мы закатали ее в покрывало, превратив его в саван. Как только покончили с этим, я понял, что в таком виде нам ее из дома не вынести. В моих неопределенных планах и грезах я видел только небольшое кровавое пятно, проступающее на покрывале над ее перерезанной шеей (ее *аккуратно* перерезанной шеей). Я не предполагал, не представлял себе жуткую реальность: белое покрывало казалось черно-лиловым в темной комнате, и кровь стекала с него, как с вынутой из ванны губки течет вода.

В стенном шкафу лежало стеганое одеяло. В голове мелькнула мысль – я не смог подавить ее, – а что бы сказала моя мать, если бы увидела, как я использую с любовью сшитый подарок

на свадьбу? Я расстелил одеяло на полу. Мы сбросили на него Арлетт. Потом закатали ее в одеяло.

– Быстро, – велел я, – пока оно не намокло. Нет... подожди... сходи за лампой.

Генри отсутствовал так долго, что я испугался, а не сбежал ли он. Потом увидел свет в маленьком коридорчике между его спальней и этой, которую я делил с Арлетт. *Раньше* делил. Я видел слезы, бежавшие по его восково-бледному лицу.

– Поставь на комод.

Он поставил лампу рядом с книгой, которую я читал, романом «Главная улица» Синклера Льюиса. Я его так и не дочитал. Не смог заставить себя дочитать. При свете лампы я увидел брызги крови на полу и лужицу у самой кровати.

Еще больше натечет из одеяла. Я вздохнул. Если бы знал, что в ней столько крови...

Я снял наволочку со своей подушки и натянул на конец свернутого одеяла, словно носок на кровоточащую голень.

– Бери ее ноги, – распорядился я. – Это мы должны сделать прямо сейчас. И не падай в обморок, Генри, потому что одному мне не справиться.

– Лучше бы это был сон. – Он наклонился и взялся за противоположный конец одеяла. – Это может быть сон, папка?

– Через год, когда все останется позади, мы так и будем об этом думать. – В глубине души я действительно в это верил. – А теперь – быстро. Надо успеть, пока с наволочки не начнет капать кровь. Или с одеяла.

Мы пронесли ее по коридору, через гостиную, на крыльцо, миновав парадную дверь, совсем как грузчики, выносящие мебель в чехлах. Как только спустились с крыльца на землю, дышать мне стало чуть легче: во дворе затереть кровь куда проще.

Генри держался, пока мы не обогнули угол амбара и не показался старый колодец. Его огораживали деревянные стойки, чтобы никто случайно не наступил на крышку, которая его закрывала. Стойки эти в звездном свете выглядели мрачными и ужасными, и, увидев их, Генри издал сдавленный крик.

– Это не могила для мамы... ма... – Ничего больше он произнести не успел – потеряв сознание, повалился на куст, росший за амбаром. Так что убитую жену мне пришлось держать одному. Я хотел было положить этот громадный куль на землю – все равно он уже начал разворачиваться и из него появилась порезанная ножом рука – и попытаться привести сына в чувство. Потом решил проявить милосердие и оставить его лежать. Подтащил Арлетт к колодцу, опустил на землю, снял деревянную крышку. Привалился к двум стойкам, переводя дыхание, и тут колодец дыхнул мне в лицо – вонью стоячей воды и гниющей травы. Я вступил в борьбу с рвотным рефлексом – и проиграл. Держась руками за стойки, согнулся пополам, чтобы выблевать ужин и выпитое вино. Всплеск эхом отразился от стенок, когда блевотина плюхнулась в мутную воду на дне. Всплеск этот, как и фраза «*Давай, ковбой, объезжай*», не уходил из моей памяти все восемь последних лет. Я просыпался глубокой ночью, слышал эхо этого всплеска и чувствовал, как занозы впиваются в мои руки, сжимающие стойки с такой силой, будто от этого зависела моя жизнь.

Я попятился от колодца, споткнулся о куль, в котором лежала Арлетт. Упал. Ее порезанная рука оказалась в считанных дюймах от моих глаз. Генри все лежал под кустом, под головой – рука. Он выглядел, как ребенок, уснувший после утомительного дня во время жатвы. Над нами светили тысячи, десятки тысяч звезд. Я видел созвездия – Орион, Кассиопею, Большую Медведицу, – их когда-то показывал мне отец. Вдалеке один раз гавкнул пес Коттери, Рекс, и затих. Помнится, я еще подумал: *Эта ночь никогда не закончится.* И ведь правильно подумал. По большому счету, она так и не закончилась.

Я подхватил куль, и он дернулся.

Я замер, не в силах даже вдохнуть, только сердце колотилось как бешеное. *Конечно же, я не мог такого почувствовать*, подумал я. Подождал – а вдруг куль дернется снова? А может, ждал, как ее рука змеей выползет из стеганого одеяла и попытается схватить меня за запястье порезанными пальцами.

Никто не дернулся, ничто не выползло. Мне это все почудилось. Понятное дело. И я сбросил ее в колодец. Увидел, как стеганое одеяло развернулось с конца, на который я не надевал наволочку, а потом раздался всплеск. Гораздо более громкий, чем при моей блевотине, а за ним последовал хлюпающий *удар*. Я знал, что воды в колодце немного, но надеялся, что Арлетт погрузится с головой. Звук удара подсказал мне: в этом я ошибся.

Пронзительный смех раздался у меня за спиной – звук, так близко граничащий с безумием, что у меня по спине побежали мурашки, от поясницы до загривка. Генри пришел в себя и поднялся. Нет, более того – он прыгал перед амбаром, вскидывая руки к звездному небу, и хохотал.

– Мама в колодце, а мне все равно! – нараспев прокричал он. – Мама в колодце, а мне все равно, потому что хозяина нет⁴.

Я в три больших шага подскочил к нему и влепил оплеуху, оставив кровавые отметины на покрытой пушком щеке, еще не знавшей бритвы.

– Заткнись! Голос разносится далеко! Тебя могут услышать... Видишь, дурак, ты опять потревожил этого чертова пса.

Рекс гавкнул один раз, второй, третий. Замолчал. Мы стояли, я держал Генри за плечи, склонив голову, прислушиваясь. Струйки пота бежали по шее. Рекс пролаял еще раз, потом затих. Если бы кто-то из Коттери проснулся, они бы подумали, что Рекс нашел енота. Я, во всяком случае, на это надеялся.

– Иди в дом, – велел я. – Худшее позади.

– Правда, папка? – Он очень серьезно смотрел на меня. – Правда?

– Да. Как ты? Не собираешься снова грохнуться в обморок?

– А я грохался?

– Да.

– Я в порядке. Просто... не знаю, почему так смеялся. Что-то смешалось в голове. Наверное, я просто обрадовался. Все закончилось! – Смешок вновь сорвался с его губ, и он хлопнул по губам руками, как маленький мальчик, случайно произнесший плохое слово в присутствии бабушки.

– Да, – кивнул я. – Все закончилось. Мы останемся здесь. Твоя мать убежала в Сент-Луис... а может, в Чикаго... но мы останемся здесь.

– Она?... – Его взгляд устремился к колодцу, крышка которого прислонялась к трем стойкам, казавшимся такими мрачными в звездном свете.

– Да, Хэнк, сбежала. – Его мать терпеть не могла, когда я называл его Хэнком, говорила, что это вульгарно, но теперь она ничего не могла с этим поделать. – Убежала и оставила нас здесь. И разумеется, мы очень сожалеем, но при этом полевые работы не могут ждать. И занятия в школе тоже.

– И я могу... по-прежнему дружить с Шеннон?

– Разумеется, – ответил я и снова вспомнил, как средний палец Арлетт похотливо обводит его промежность. – Разумеется, можешь. Но если у тебя вдруг возникнет желание признаться Шеннон...

На лице Генри отразился ужас.

– *Никогда!*

⁴ Генри перефразирует припев песни североамериканских рабов «Джимми ломает кукурузу» (1840), ставшей популярной среди детей: «Джимми ломает кукурузу, а мне все равно: хозяина нет».

– Что ж, я рад. Но если такое желание все-таки возникнет, запомни: она убежит от тебя.

– Разумеется, убежит, – пробормотал он.

– А теперь иди в дом и достань из кладовой все ведра для мытья полов. Наполни из колонки на кухне и добавь порошка, который она держит под раковиной.

– Воду мне подогреть?

Я услышал голос матери: *Кровь заmyивают холодной водой, Уилф. Запомни это.*

– Незачем, – ответил я. – Я приду, как только поставлю крышку на место.

Он начал поворачиваться, потом вдруг схватил меня за руку. Холодными, просто ледяными пальцами.

– Никто не должен узнать! – хрипло прошептал он мне в лицо. – Никто не должен узнать о том, что мы сделали!

– Никто и не узнает. – В моем голосе уверенности было куда больше, чем в душе. Многое сразу пошло наперекосяк, и я начал понимать, что наяву все далеко не так, как в грезах.

– Она не вернется, правда?

– *Что?*

– Ее призрак не будет донимать нас, а? – Только слово это он произнес на деревенский манер и прозвучало оно как «добивать». Арлетт в таких случаях качала головой и закатывала глаза, и только теперь, восемь лет спустя, я начал осознавать, что, возможно, сын сказал так не случайно⁵.

– Нет, – ответил я.

И ошибся.

Я посмотрел в колодец и, хотя глубина составляла всего двадцать футов, увидел лишь светлое пятно лоскутного одеяла, поскольку луны не было. А может, это была наволочка. Я опустил крышку на место и направился к дому, стараясь следовать тем маршрутом, по которому мы тащили куль, намеренно почти не отрывая ноги от земли, чтобы затереть следы крови. Утром я довел это дело до конца.

В ту ночь я узнал нечто такое, что для большинства людей остается неведомым: убийство – это грех, убийство – это осуждение души на вечные муки (и уж точно рассудка и духа, даже если атеисты правы и никакой жизни после жизни нет), но убийство еще и работа. Мы оттирали спальню до боли в спине, потом перебрались в коридор, в гостиную и, наконец, на крыльцо. Всякий раз, когда мы думали, что работа закончена, один из нас находил очередное пятнышко. Когда заря осветила небо на востоке, Генри на коленях оттирал щели между половицами в спальне, а я, тоже на коленях, осматривал каждый дюйм вязанного крючком ковра Арлетт в гостиной в поисках одной-единственной капли крови, которая могла стать для нас роковой. Не нашел ни одной – в этом нам повезло, зато обнаружил пятно размером с десятицентовик рядом с ковром. Выглядело оно будто кровь, капнувшая из бритвенного пореза. Я отчистил это пятно, потом вернулся в спальню, чтобы посмотреть, как идут дела у Генри. Он вроде бы чуть взбодрился, да и я тоже. Думаю, сказался приход дня, который, похоже, развеял самые жуткие наши кошмары. Но когда Джордж, наш петух, громко сообщил, что проснулся, Генри подпрыгнул. Потом рассмеялся, очень коротко и как-то не совсем нормально, но он не напугал меня до такой степени, как ночью, когда пришел в себя неподалеку от старого колодца.

– Сегодня я в школу идти не могу, папка. Слишком устал. И... наверное, люди могут все увидеть на моем лице. Особенно Шеннон.

⁵ У автора игра слов. Генри произносит слово «haunt» – преследовать, донимать (англ.). Звучит же оно у него как «haint», что напоминает слово «hate» – ненавидеть (англ.).

Я даже не подумал о школе – еще одно доказательство того, что подготовка моих планов оставляла желать лучшего. Дерьмо, а не планы. Мне следовало дождаться, пока школьников распустят на летние каникулы. Оставалась-то одна неделя.

– Ты можешь побыть дома до понедельника. А потом скажешь учительнице, что заболел гриппом и не хотел заразить весь класс.

– Это не грипп, но я *болен*.

То же самое я мог сказать и про себя.

Мы расстелили чистую простыню из ее стенного шкафа (так много вещей в доме принадлежали ей... но теперь уже нет) и сложили на ней окровавленное постельное белье. Матрас тоже запачкала кровь, его следовало сменить. Другой у нас был, не такой, правда, хороший. Он лежал в дальнем сарае. Я связал грязное постельное белье в узел, а Генри нес матрас. Мы вернулись к колодцу аккуратно перед тем, как солнце поднялось над горизонтом. Над нами раскинулось чистое, без единого облачка небо. Начинался хороший для кукурузы день.

– Я не смогу туда заглянуть, папка.

– Тебе и не надо, – сказал я и вновь поднял деревянную крышку. Подумал, что лучше бы оставил ее поднятой. *Работай головой, чтобы не делать лишней работы руками*, обычно говорил мой отец. Но я знал, что не смог бы так поступить. Особенно после того, как куль дернулся у меня в руках.

Теперь я увидел дно колодца и ужаснулся. Она приземлилась, оказавшись в положении сидя, ноги были вытянуты вперед. Наволочка разорвалась и лежала у нее на коленях. Стеганое одеяло и покрывало размотались и охватывали ее плечи, как изысканный дамский палантин. Джutowый мешок, превратившийся в сеточку для волос, дополнял картину: она словно приоделась, чтобы провести вечер в городе.

Да! Вечер в городе! Вот почему я так счастлива! Вот почему улыбаюсь во весь рот, от уха до уха! А ты обратил внимание, какая красная у меня помада, Уилф? Я никогда не пошла бы с такой помадой в церковь. Нет, и это не та помада, которой женщина красит губы, когда хочет сделать кое-что непристойное со своим мужчиной. Спускайся, Уилф, чего ты ждешь? И лестница тебе не нужна, просто прыгни! Покажи мне, как сильно ты меня хочешь! Ты поступил по отношению ко мне непристойно, а теперь позволь мне последовать твоему примеру.

– Папка! – Генри стоял лицом к амбару, ссутулившись, словно ожидал, что его сейчас высекут. – Все в порядке?

– Да. – Я бросил вниз узел с постельным бельем, надеясь, что он упадет на нее и закроет ее обращенную вверх жуткую ухмылку, но почему-то узел приземлился ей на колени. И теперь создавалось впечатление, что она сидит в странном, запятнанном кровью облаке.

– Она накрыта? Она накрыта, папка?

Я схватил матрас и отправил его следом. Один конец матраса ушел в мутную воду, другой проскользнул вдоль цилиндрической, выложенной камнем стены, прикрыв Арлетт, как навесом, и наконец-то спрятав ее вскинутую голову и кровавую ухмылку.

– Теперь да. – Я вернул на место деревянную крышку, зная, что впереди еще одно большое дело: наполнить колодец. Давно следовало засыпать его. Пустой колодец представлял собой опасность, вот почему я и огородил его стойками.

– Пошли в дом, позавтракаем.

– Я не смогу проглотить ни единого куска.

Но он проглотил. И я тоже. Я поджарил яйца, бекон и картошку, и мы съели все. Тяжелая работа разжигает аппетит. Это все знают.

Генри проспал чуть ли не до вечера. Часть этого времени я провел за кухонным столом, чашку за чашкой поглощая черный кофе. А еще погулял посреди кукурузы. Проходил

от начала до конца ряд за рядом, прислушиваясь к шелесту под ветерком похожих на мечи листьев. В июне, когда кукуруза идет в рост, кажется, что побеги ведут между собой беседу. Это тревожит некоторых людей (и среди них есть глупцы, которые утверждают, будто эти звуки сопровождают рост кукурузы), но меня шелест листьев всегда успокаивал. Способствовал ясности мышления. И сейчас, когда я сижу в номере городского отеля, мне его недостает. Городская жизнь – не жизнь для сельчанина. Для него это все равно что жизнь в аду.

Признание, как выяснилось, – тоже тяжелая работа.

И вот я шагал, слушал кукурузу, пытался планировать будущее и в конце концов *спланировал*. Пришлось, и не только для себя.

Каких-то двадцать лет назад мужчина, оказавшийся в таком же положении, как я, мог не волноваться. Тогда никто не совал нос в чужие дела, особенно если речь шла об уважаемом фермере, человеке, который платил налоги, по воскресеньям ходил в церковь, болел за бейсбольную команду «Звезды Хемингфорда» и голосовал за республиканцев. Я думаю, тогда много чего случалось на фермах, расположенных в глубинке. Об этом не судачили и, уж конечно, не сообщали в полицию. Тогда мужчина поступал с женой так, как считал нужным, и если она исчезала, ее забывали.

Но те дни ушли, и даже если бы ничего с тех пор не изменилось... оставалась земля. Сто акров. «Фаррингтон компани» хотела заполучить эти акры для своей чертовой свинобойни, и Арлетт заверила ее представителей, что эту землю они получают. Это таило в себе опасность, а опасность указывала на то, что одних грез и неопределенных планов теперь недостаточно.

Домой я вернулся во второй половине дня, уставший, но с ясной головой. Я наконец-то успокоился. Несколько наших коров ревели, поскольку час утренней дойки давно прошел. Я их подоил, а потом отправил на пастбище, где оставил до заката, вместо того чтобы загнать на вторую дойку сразу после ужина. Они не возражали; коровы все принимают как есть. Будь Арлетт такой же, подумал я, осталась бы жива и сейчас доставала бы меня покупкой стиральной машины по каталогу «Монки Вард». И я, наверное, купил бы ее. Умела она меня уговорить. Во всем, кроме земли. И ей следовало об этом знать. Земля – это мужская забота.

Генри еще спал. В последующие недели он вообще спал много, и я ему разрешал, хотя в другое время заполнил бы его дни работой, раз уж занятия в школе закончились. А вечера он заполнял бы сам – визитами к Коттери или прогулками по проселочной дороге с Шеннон. Они держались бы за руки и наблюдали за восходом луны между поцелуями. Я надеялся, что содеянное нами не испортит ему подобные сладостные мгновения, но все же понимал, что испортит. И не ошибся в этом.

Я отогнал назойливые мысли, говоря себе, что сейчас он спит, и это хорошо. Мне предстояло еще раз прогуляться к колодцу, и я хотел проделать это в одиночку. Наша семейная кровать, с которой содрали постельное белье, казалось, кричала об убийстве. Я подошел к стенному шкафу и принялся осматривать одежду Арлетт. У женщин всегда так много всего. Юбки, и платья, и блузки, и свитера, и нижнее белье. Среди последнего попадаетесь кое-что такое сложное и странное, что мужчине и не понять, где перед. Я знал: взять все – это ошибка, поскольку грузовик по-прежнему стоял в амбаре, а «Модель Т» – под вязом. Она ушла пешком, то есть взяла с собой только то, что смогла унести. Почему не уехала на «Т»? Потому что я мог услышать, как завелся двигатель, и остановил бы ее. Звучало правдоподобно. Следовательно... один чемодан.

Я набил его вещами, как мне представлялось, необходимыми женщине, без которых уйти она не могла. Положил в чемодан несколько красивых украшений и фотографию ее родителей в золотой рамке. Посмотрел на ее туалетные принадлежности в ванной и оставил все, за исключением духов «Флориен» и щетки для волос. На ночном столике лежала Библия, которую дал Арлетт пастор Хокинс, но я ни разу не видел, чтобы она читала ее, поэтому трогать не стал. Зато взял пузырек с таблетками железа, которые она принимала при месячных.

Генри по-прежнему спал, но теперь метался по кровати, охваченный каким-то кошмаром. Я поспешил, чтобы быстрее все закончить и вернуться в дом до того, как он проснется. Подошел к колодцу. Поставил чемодан на землю, в третий раз поднял деревянную крышку. Слава Богу, Генри со мной не было. Слава Богу, он не увидел того, что увидел я. Думаю, это зрелище свело бы его с ума. Даже меня чуть не свело.

Матрас сполз в сторону. Прежде всего я подумал, что она откинула его, чтобы выбраться из колодца. Потому что она не умерла. Она дышала. Так мне поначалу показалось. А потом, когда здравый смысл начал пробиваться сквозь туман, окутавший разум, когда я спросил себя, какое дыхание может заставить женское платье подниматься и опускаться не на груди, а от талии и ниже... в этот самый момент челюсть ее зашевелилась, словно она пыталась заговорить. Но не слова возникли из сильно расширившегося рта, а крыса, которая лакомила ее нежным языком. Первым появился хвост. Потом нижняя челюсть Арлетт опустилась ниже, и когти задних лапок впились в подбородок в поисках опоры.

Крыса прыгнула к ней на колени. А когда она это сделала, из-под платья во множестве повылезали ее братья и сестры. У одной крысы в усах застряло что-то белое – клочок комбинации или, возможно, трусиков. Я швырнул в них чемодан. Не думал об этом – плохо сообщал от отвращения и ужаса, просто швырнул. Он упал ей на ноги. Большинство грызунов – вероятно, все – легко избежали удара. Нырнули в круглую черную дыру, которую раньше закрывал матрас (наверное, они сдвинули его общими усилиями), и исчезли в мгновение ока. Я хорошо знал, что это за дыра: вход в трубу, через которую вода подавалась в амбар, пока ее уровень не опустился слишком низко.

Платье застыло. Ложное дыхание оборвалось. Но она *смотрела* на меня, и это был пристальный взгляд горгоны. Я видел крысиные укусы на ее щеках, одна мочка исчезла.

– Господи, – прошептал я. – Арлетт, мне так жаль.

Твои сожаления не принимаются, казалось, говорил ее взгляд. И когда меня найдут в таком виде, с крысиными укусами и в изгрызенном нижнем белье, ты точно усядешься на электрический стул в Линкольне. И мое лицо станет последним, что ты увидишь перед смертью. Ты увидишь меня, когда электричество поджарит тебе печень и подожжет сердце, а я буду улыбаться.

Я опустил крышку и поплелся к амбару. Внезапно ноги отказались служить мне, и будь я на солнце – точно потерял бы сознание, как Генри прошлой ночью. Но я находился в тени, поэтому, посидев минут пять с опущенной головой, более или менее оклемался. Крысы добрались до нее – и что такого? Разве, в конце концов, крысы и жуки не добираются до всех нас? Рано или поздно самый крепкий гроб не выдерживает и выпускает жизнь, чтобы она покормилась на смерти. Так устроен мир, и какое это имеет значение? После того как сердце останавливается, а мозг задыхается, наши души или куда-то отправляются, или просто исчезают. В любом случае мы не чувствуем, как кто-то гложет нашу плоть или выедает что-то из костей.

Я двинулся к дому и уже добрался до ступенек, ведущих на крыльцо, когда новая мысль остановила меня: а что тогда дернулось? Вдруг она была еще жива, парализованная, неспособная шевельнуть даже разрезанным пальцем, когда крысы вылезли из трубы и принялись ее пожирать? Что, если она почувствовала, как одна пробралась в ее располосованный рот и начала...

– Нет, – прошептал я. – Она ничего не почувствовала, потому что не дергалась. Никогда. Вниз я сбросил ее мертвой.

– Папка? – сонным голосом позвал Генри. – Пап, это ты?

– Да.

– С кем ты говоришь?

– Ни с кем. Сам с собой.

Я вошел. В майке и трусах он сидел за кухонным столом и выглядел ошеломленным и несчастным. Волосы торчали во все стороны, напомнив мне время, когда сын, еще маленький, гонялся по двору за курами, а его верный пес Бу (к тому лету давно умерший) не отставал от него ни на шаг.

– Лучше бы мы этого не делали, – прошептал он, когда я сел напротив него.

– Сделанного не вернешь, – ответил я. – Сколько раз я тебе это говорил, парень?

– Пожалуй, миллион. – Он на какое-то мгновение опустил голову, потом вновь посмотрел на меня. Его глаза, окаймленные красным, налились кровью. – Нас поймают? Мы отправимся в тюрьму? Или...

– Нет. У меня есть план.

– У тебя был план не причинять ей боли! Посмотри, *что* из этого вышло!

Моей руке просто не терпелось отвесить ему за это пощечину, так что я придавил ее другой рукой. Не время сейчас для встречных обвинений. Кроме того, он говорил правду. Во всем, что пошло не так, вина лежала на мне. *За исключением крыс*, подумал я. *Крысы – не моя вина*. Нет, и они тоже. Разумеется, и они тоже. Если б не я, она сейчас стояла бы у плиты, готовила ужин. Вероятно, говорила бы и говорила об этих ста акрах, но живая и здоровая, а не лежала бы в колодеце.

Крысы, должно быть, уже вернулись, прошептал голос в глубинах моего сознания. *Едят ее. Скоро закончат лучшее, самое вкусное, деликатесы, а потом...*

Генри перегнулся через стол, чтобы коснуться моих сцепленных рук. Я вздрогнул.

– Извини. Мы вместе это сделали.

И я любил его за эти слова.

– Все будет хорошо, Хэнк; если мы не запаникуем, все будет хорошо. А теперь слушай меня.

Он слушал. В какой-то момент начал кивать. Когда я закончил, задал только один вопрос: «Когда мы засыпем колодец?»

– Не сейчас.

– Разве это не рискованно?

– Есть такое, – согласился я.

Двумя днями позже я чинил изгородь в четверти мили от фермы, когда увидел большое облако пыли, движущееся по нашей дороге от шоссе Омаха – Линкольн. На нашу территорию вторгся мир, частью которого Арлетт так хотелось стать. Я направился к дому, сунув молоток в петлю на поясе, в плотничьем фартуке, в кармане которого позвякивали гвозди. Генри ничего не увидел. Возможно, он побежал на речку купаться. А может, спал в своей комнате.

Во дворе я сел на колоду для колки дров, и тут же из кукурузы выехал автомобиль, поднимавший за собой беличий хвост пыли: грузовичок «Красная крошка» Ларса Олсена, кузнеца и молочника из Хемингфорд-Хоума. Иногда он подрабатывал и шофером, и именно в этом качестве прибыл на мою ферму в тот июньский день. Грузовичок въехал во двор, обратив в бегство Джорджа, нашего вспыльчивого петуха, и его маленький гарем. Мотор еще не успел заглухнуть, когда из кабины с пассажирской стороны вылез пузатый мужчина в сером пыльнике. Он снял очки, открыв большие (и смешные) белые круги у глаз.

– Уилфред Джеймс?

– К вашим услугам. – Я встал, чувствуя себя совершенно спокойно. Возможно, спокойствия у меня поубавилось бы, если бы подъехал принадлежащий округу «форд» со звездой шерифа на бортах.

– Эндрю Лестер, – представился он. – Адвокат.

Он протянул руку. Я на нее посмотрел.

– Прежде чем я ее пожму, вам лучше сказать, чей вы адвокат, мистер Лестер.

– В настоящее время я представляю «Фаррингтон лайвсток компани» с отделениями в Чикаго, Омахе и Де-Мойне.

Да, подумал я, кто бы сомневался. Но я готов спорить, что на двери таблички с твоей фамилией нет. Большие люди из Омахи не глотают деревенскую пыль, чтобы заработать на хлеб, правда? Большие люди сидят, положив ноги на стол. Пьют кофе и любуются красивыми лодыжками секретарш.

– В этом случае, сэр, почему бы вам просто не изложить цель вашего приезда и не убраться руку? Только не обижайтесь.

Он так и поступил, с адвокатской улыбкой. Пот проложил светлые дорожки по его пухлым щекам, а ветер спутал и взъерошил волосы. Я прошел мимо него к Ларсу, который открыл боковину двигателя отсека и возился с мотором. Он что-то насвистывал и выглядел таким же счастливым, как и сидевшая на проводе птичка. В этом я ему завидовал. Подумал, что нам с Генри тоже может выпасть счастливый день, – в таком переменчивом мире, как наш, возможно всякое, – но не летом 1922 года. И не осенью.

Я пожал Ларсу руку, спросил, как самочувствие.

– Все в норме, но в горле пересохло. Я бы чего-нибудь выпил.

Я указал на восточную стену дома:

– Ты знаешь, где взять.

– Знаю. – Он захлопнул боковину с громким треском, от которого куры, вернувшиеся во двор, вновь бросились врассыпную. – Сладкая и холодная, как и всегда?

– Скорее да, чем нет, – согласился я и подумал: *Но если бы ты попробовал набрать воды из другого колодца, не думаю, что тебя волновал бы вкус.* – Попробуй – и увидишь.

Он направился к дому, обходя его с той стороны, где под навесом стояла дворовая колонка. Мистер Лестер проводил его взглядом, потом повернулся ко мне, расстегнув плащ. Костюм его определенно нуждался в чистке по возвращении в Линкольн, Омаху, Дилленд или какой-нибудь другой город, в котором он вешал шляпу, когда не занимался делами Коула Фаррингтона.

– Я бы сам не отказался от глотка воды, мистер Джеймс.

– Я тоже. Ремонтировать изгородь – потная работа. – Я оглядел его с головы до ног. – Но, наверное, не такая потная, как проехать двадцать миль в грузовике Ларса.

Он потер зад и улыбнулся адвокатской улыбкой. Но на этот раз в ней промелькнуло сожаление. Я уже видел, как его глазки бегают по сторонам. Не следовало недооценивать этого человека только потому, что ему приказали протрястись двадцать миль по сельским дорогам в жаркий летний день.

– Мой зад уже никогда не будет прежним.

На одной из стоек навеса на цепочке висела кружка. Ларс наполнил ее и выпил до дна, его кадык ходил вверх-вниз по жилистой, загорелой шее. Наполнил второй раз и предложил Лестеру, который посмотрел на кружку примерно так же, как я – на его протянутую руку.

– Может, мы попьем воды в доме, мистер Джеймс? Там чуть прохладнее.

– Прохладнее, – согласился я, – но желания приглашать вас в дом у меня не больше, чем пожимать вам руку.

Ларс Олсен уловил, куда дует ветер, и, не теряя времени, вернулся к грузовику. Но сначала отдал кружку Лестеру. Мой гость пил воду не огромными глотками, как сделал Ларс, а маленькими брезгливыми глоточками, другими словами – как адвокат... Но он не остановился, пока не осушил кружку до дна, тоже как адвокат. Хлопнула сетчатая дверь, и из дома вышел Генри, в комбинезоне, босиком. Окинул нас взглядом, абсолютно безразличным, – умный мальчик! – и пошел туда, куда и полагалось идти нормальному деревенскому подростку: посмотреть, как Ларс возится со своим грузовиком, и, если повезет, чему-то научиться.

Я сел на укрытые брезентом дрова, которые мы держали с этой стороны дома.

– Как я понимаю, вы здесь по делу. По делу моей жены.

– Да.

– Что ж, раз уж воду вы выпили, давайте сразу к нему и перейдем. У меня еще полно работы, а на часах три пополудни.

– От рассвета до заката. У фермеров жизнь трудная. – Он вздохнул, как будто знал.

– Да, и своенравная жена только добавляет трудностей. Вас прислала она, как я понимаю, только не знаю зачем. Если речь идет о каких-то официальных бумагах, так я думал, что их привезет помощник шерифа.

Он удивленно посмотрел на меня:

– Ваша жена не присылала меня, мистер Джеймс. Дело в том, что я приехал повидаться с ней.

Происходящее напоминало игру: теперь пришла моя очередь удивляться. Потом рассмеяться, потому что на сцене за удивленным взглядом обычно следует смех.

– Вот и доказательство.

– Доказательство чего?

– Мое детство прошло в Фордьюсе, и там у нас был сосед, отвратительный старикан по фамилии Брэдли. Все его звали Папаша Брэдли.

– Мистер Джеймс...

– Моему отцу приходилось время от времени иметь с ним дело, и иногда он брал меня с собой в те уже далекие дни. Речь обычно шла о семенах кукурузы, особенно весной, но иногда он с Брэдли обменивался инструментами. Тогда по каталогам ничего не покупалось, и хороший инструмент мог обойти весь округ, прежде чем возвращался домой.

– Мистер Джеймс, я не понимаю, какое...

– И всякий раз, когда мы ехали к этому старику, моя мама наказывала мне затыкать уши, поскольку каждое второе слово, слетавшее с губ Папаши Брэдли, было ругательством или намеком на что-то непристойное. – Мне все происходящее уже начало нравиться. – Поэтому, само собой, я, наоборот, слушал, причем очень даже внимательно. И запомнил одну из любимых присказок Папаши Брэдли: «Никогда не садись на кобылу без уздечки, потому что никто не знает, куда эта сука побежит».

– И как мне вас понимать?

– Куда, по-вашему, побежала моя сука, мистер Лестер?

– Вы говорите мне, что ваша жена?..

– Сбежала, мистер Лестер. Сделала ноги. Ушла по-английски. Смылась. Мне нравится сленг, и эти слова сразу приходят на ум. Ларс, однако, и остальные горожане, просто скажут: «Она убежала и оставила его», – когда об этом станет известно. Или «его и мальчика», как в данном случае. Я, естественно, подумал, что она направилась к своим любящим свиней друзьям из «Фаррингтон компани» и следующей весточкой от нее будет уведомление о том, что она продает землю своего отца.

– И она собиралась это сделать.

– Она уже что-то подписала? Если да, тогда мне, полагаю, придется обратиться в суд.

– Если на то пошло, не подписала. Но когда подпишет, я настоятельно рекомендую вам не тратить деньги на судебный процесс, который вы, несомненно, проиграете.

Я встал. Одна лямка комбинезона упала с плеча, и большим пальцем я вернул ее на место.

– Что ж, раз ее здесь нет, это, как говорят юристы, «вопрос спорный», не правда ли? Я бы на вашем месте поискал ее в Омахе. – Я улыбнулся. – Или в Сент-Луисе. Она постоянно говорила о переезде в Сент-Луис. И мне представляется, что она устала от вас точно так же, как от меня и сына, которого родила. Как говорится, счастливо избавилась от мусора. Чума на оба ваших дома. Это, между прочим, Шекспир. «Ромео и Джульетта». История любви.

– Вы уж извините, мистер Джеймс, но все это кажется очень странным. – Лестер достал носовой платок из внутреннего кармана пиджака – готов спорить, у таких, как он, странствующих адвокатов карманов очень много, – и принялся вытирать лицо. Щеки его не просто покраснели, а стали багрово-красными. – Действительно, очень странно, учитывая сумму, которую мой клиент соглашался заплатить за этот земельный участок, граничащий с Хемингфорд-Стрим и расположенный рядом с Большой западной железной дорогой.

– Мне тоже предстоит с этим свыкнуться, но в сравнении с вами у меня есть преимущество.

– Какое же?

– Я ее знаю. Уверен, вы и ваши клиенты думали, что уже заключили сделку, но Арлетт Джеймс... Скажем так: пригвоздить ее к чему-либо – все равно что пригвоздить желе к полу. Нам всегда следует помнить, что говорил Папаша Брэдли, мистер Лестер. Это был наш деревенский гений.

– Могу я заглянуть в дом?

Я снова рассмеялся, на этот раз очень даже естественно. Наглости у этого парня хватало, ничего не скажешь, и я прекрасно понимал его желание не возвращаться с пустыми руками. Он трясся двадцать миль в пыльном грузовике, и ему предстояло протрястись еще столько же до Хемингфорд-Сити (а потом, несомненно, ехать на поезде), он отбил зад, и людей, пославших его сюда, наверняка не порадует отчет, с которым он вернется. Бедолага!

– Я отвечу своим вопросом: сможете вы скинуть штаны, чтобы я взглянул на ваше интимное местечко?

– Ваши слова оскорбительны.

– Ну... Думайте об этом не как о сравнении, это неправильно, а как об *аллегории*.

– Я вас не понимаю.

– Что ж, у вас есть час, чтобы все обдумать по пути в город... или даже два, если у «Красной крошки» Ларса лопнет колесо. И могу заверить вас, мистер Лестер, если бы я позволил вам заглянуть в мой дом – принадлежащий только мне, мою крепость, мое интимное местечко, – вы бы не нашли мою жену в стенном шкафу или... – В этот ужасный момент я едва не сказал «или в колодце». Почувствовал, как на лбу выступил пот. – Или под кроватью.

– Я и не говорил...

– Генри! – позвал я. – Подойди на минутку!

Генри подошел, опустив голову, волоча ноги по пыли. Выглядел он встревоженным, даже виноватым, но значения это не имело.

– Да, сэр?

– Скажи этому человеку, где твоя мама.

– Я не знаю. Когда ты позвал меня к завтраку в пятницу утром, она уже ушла. Взяла чемодан и ушла.

Лестер пристально посмотрел на него.

– Сынок, это правда?

– Папка, могу я вернуться в дом? Пока я болел, у меня накопились уроки.

– Конечно, иди, только не затягивай с уроками, – ответил я. – Помни, вечером твоя очередь доить коров.

– Да, сэр.

Он, все так же волоча ноги, поднялся по ступеням и скрылся в доме. Лестер проводил его взглядом, потом повернулся ко мне:

– Что-то здесь нечисто.

– Я вижу, у вас нет обручального кольца, мистер Лестер. К тому времени, когда вы будете носить его столько же лет, сколько и я, вы поймете, что в семьях иначе и не бывает. И вы поймете кое-что еще: никому не дано знать, куда побежит кобыла.

Он поднялся.

– Мы еще не закончили.

– По мне, так точка поставлена, – заявил я, зная, что это не так. Но если все пойдет хорошо, можно будет считать, что мы значительно приблизились к этой самой точке. *Если...*

Он зашагал через двор, потом вдруг повернулся ко мне. Вновь воспользовался шелковым носовым платком, чтобы вытереть пот с лица, потом заговорил:

– Если вы думаете, что эти сто акров ваши только потому, что вы запугали жену и заставили ее уехать к тетушке в Де-Мойн или к сестре в Миннесоту...

– Начните с Омахи. – Я улыбнулся. – Или с Сент-Луиса. С родственниками она отношений не поддерживала, но ей всегда хотелось жить в Сент-Луисе. Одному Богу известно почему.

– Если вам кажется, что вы сможете засеять эти акры, а потом собрать урожай, дважды подумайте, прежде чем начать работу. Эта земля не ваша. Если вы бросите в нее хотя бы семечко, мы встретимся с вами в суде.

– Я уверен, вы получите весточку, как только у нее возникнут проблемы с деньгами, – ответил я.

Сам же хотел сказать: *Да, эта земля не моя... но и не ваша. Она просто будет ничейной. И это хорошо, поскольку она станет моей через семь лет, когда я пойду в суд и попрошу официально признать Арлетт мертвой. Я могу подождать. Зато семь лет мне не придется нюхать свиное дерьмо, когда ветер будет дуть с запада. Семь лет не придется слышать визга убиваемых свиней (очень похожий на крики женщины, которую убивают), не придется видеть их внутренности, плывущие по реке, и вода не покраснеет от крови. Мне представляется, что это будут семь прекрасных лет.*

– Удачного вам дня, мистер Лестер. И берегитесь солнца на обратном пути. Под вечер оно сильно жжет и будет светить вам в лицо.

Он залез в кабину, не ответив. Ларс помахал мне рукой, и Лестер что-то резко ему сказал. Ларс бросил на него взгляд, который говорил: *Гавкай сколько хочешь, но до Хемингфорд-Сити все равно те же двадцать миль!*

Когда от них остался только беличий хвост пыли, Генри вышел на крыльцо.

– Я все сделал правильно, папка?

Я взял его за руку, сжал, притворился, что не почувствовал, как его рука на мгновение напряглась под моими пальцами, словно он подавлял желание вырваться.

– Не то слово. Идеально.

– Завтра мы засыпем колодец?

Я долго об этом думал, потому что наша дальнейшая жизнь могла зависеть от моего решения. Шериф Джонс старел и набирал вес. Ленивым он не считался, но не привык шевелить пальцем без веской на то причины. Лестер со временем мог убедить Джонса приехать к нам, но, вероятно, лишь после того, как стараниями Лестера один из сыновей Коула Фаррингтона, по которым давно плакал ад, позвонит Джонсу и напомним, что их компания – один из самых крупных налогоплательщиков округа Хемингфорд (не говоря уж о соседних округах – Клее, Филлморе, Йорке и Сьюарде). Однако я полагал, что у нас по-прежнему есть как минимум пара дней.

– Не завтра, – ответил я. – Послезавтра.

– Папка, *почему?*

– Потому что сюда приедет шериф округа, а шериф Джонс старый, но не глупый. У него могут возникнуть подозрения, если он увидит неровно засыпанный колодец... А вот если будут засыпать колодец прямо при нем, по причине...

– По какой причине? Скажи мне!

– Скоро скажу, – пообещал я. – Скоро.

Весь следующий день мы ждали, что на нашей дороге закружится пыль, поднятая уже не грузовиком Ларса Олсена, а автомобилем шерифа округа. Не дождались. Зато пришла Шеннон Коттери, очень миленькая, в блузке из хлопка и клетчатой юбке, чтобы спросить, здоров ли Генри и может ли поужинать с ней, ее мамой и папой.

Генри ответил, что он здоров, и я, охваченный дурным предчувствием, вскоре смотрел, как они уходят по дороге, держась за руки. Он хранил ужасный секрет, а ужасные секреты – тяжелая ноша. И желание поделиться ими – самое естественное желание, какое только может быть в этом мире. И он любил эту девочку (или думал, что любит, а это одно и то же, когда тебе идет пятнадцатый год). Более того, ему предстояло солгать, а она могла почувствовать ложь. Есть мнение, что любящие глаза слепы, но это аксиома дураков. Иногда они видят слишком многое.

Я занялся прополкой огорода (выполол больше гороха, чем сорняков), потом сидел на крыльце, курил трубку, ждал возвращения Генри. Он вернулся перед самым восходом луны. Шел, наклонив голову, ссутулившись, не шел – а тащился. Не понравился мне такой его вид, но все же я испытал облегчение. Если бы он поделился своим секретом или хотя бы чуть приоткрыл его, то так не шел бы. Если бы он поделился своим секретом, он вообще мог не вернуться.

– Ты обо всем рассказал, как мы решили? – спросил я, когда сын сел.

– Как *ты* решил. Да.

– И она пообещала не говорить родителям?

– Да.

– Но она скажет?

Он вздохнул:

– Скорее всего. Она любит родителей, а они любят ее. Полагаю, они увидят что-то в ее лице и вытянут из нее все. А если они не вытянут, она расскажет шерифу, если он сочтет необходимым поговорить с кем-то из ее семьи.

– Лестер за этим проследит. Будет давить на шерифа, потому что его боссы в Омахе будут давить на него. Он будет гнать волну, и непонятно, когда все закончится.

– Не следовало нам этого делать. – Генри задумался, потом повторил эти слова яростным шепотом.

Я промолчал. Какое-то время и он не произносил ни слова. Мы оба наблюдали, как луна, красная и большущая, поднимается над кукурузой.

– Папка? Можно мне выпить стакан пива?

Я взглянул на Генри, и удивленный, и нет. Прошел в дом, налил нам по стакану пива. Один дал ему со словами:

– Ничего такого ни завтра, ни послезавтра, ни днем позже, понял?

– Понял. – Он отпил глоток, скривился, отпил снова. – Не нравится мне лгать Шеннон. Так все грязно...

– Грязь отмывается.

– Только не эта. – Вновь глоток. Уже без гримасы.

Через какое-то время, когда луна сменила цвет на серебряный, я пошел в туалет, а потом послушал, как кукуруза и ночной ветер обмениваются друг с другом древними секретами земли. Когда я вернулся на крыльцо, Генри там не было. Его недопитый стакан стоял на парапете у лестницы. Потом я услышал его голос, доносящийся из амбара:

– Тихо, моя хорошая. Тихо.

Я пошел посмотреть. Он обнимал шею Эльпис и гладил ее. Думаю, он плакал. Какое-то время я постоял там, но ничего не сказал. Вернулся в дом, разделся, лег на кровать, на которой перерезал горло жене. Прошло немало времени, прежде чем я заснул. И если вы не поняли почему – не поняли *всех* причин, – тогда читать дальше совершенно незачем.

Я дал всем нашим коровам имена второстепенных греческих богинь, но с Эльпис⁶ то ли ошибся в выборе, то ли дал это имя в шутку. На случай если вы не помните, как зло пришло в наш грустный старый мир, позвольте освежить вашу память: все плохое вырвалось наружу, когда Пандора, уступив своему любопытству, открыла сосуд, оставленный ей на хранение. А когда Пандоре хватило ума вновь закрыть сосуд, на дне осталась только Эльпис, богиня надежды. Но летом 1922 года для нашей Эльпис никакой надежды не осталось. Старая, с дурным характером, она уже давала мало молока, и мы не пытались взять ту малость, которую она еще могла дать, – как только ты садился рядом с ней на табуретку, она начинала лягаться. Нам следовало еще в прошлом году пустить Эльпис на мясо, но меня возмутила цена, которую потребовал Харлан Коттери за ее забой, а сам я умел забивать только свиней... думаю, что теперь вы, Читатель, поймете меня лучше.

«И мясо у нее жесткое, – указывала Арлетт (почему-то она благоволила к Эльпис, возможно, по той причине, что никогда ее не доила). – Лучше ее оставить в покое». Но теперь появился способ толково использовать Эльпис, – сбросить в колодец, как вы понимаете, – и это могло принести большую пользу, чем килограммы жилистого мяса.

Через два дня после визита Лестера мы с сыном продели веревку через кольцо в носу Эльпис и вывели ее из амбара. На полпути к колодцу Генри остановился. Его глаза заблестели от ужаса.

– Папка! Я ее *чую!*

– Тогда иди в дом и возьми ватные шарики для носа. С ее туалетного столика.

И хотя сын опустил голову, я заметил его взгляд, брошенный на меня исподтишка. *Это твоя вина*, говорил взгляд. *Целиком твоя вина, потому что ты не хотел уезжать.*

Тем не менее я не сомневался, что Генри поможет мне довести до конца намеченное. Что бы он обо мне ни думал, неподалеку жила некая девушка, и он не хотел, чтобы она узнала о содеянном им. Я его к этому принуждал, но она этого никогда бы не поняла.

Мы подвели Эльпис к крышке колодца, и она – вполне закономерно – встала как вкопанная. Мы обошли крышку с другой стороны и в четыре руки потянули корову на гнилое дерево. Крышка, треснув под ее весом, продавилась... но все еще держалась. Старая корова, показывая нам зеленовато-желтые сточенные зубы, стояла на ней, наклонив голову, и казалась такой же глупой и упрямой, как и всегда.

– Что теперь? – спросил Генри.

Я начал было говорить, что не знаю, но в этот момент крышка с громким треском разломилась надвое. Мы по-прежнему держались за веревку, и я уже подумал, что сейчас нас, с вывихнутыми руками, утянет в колодец. В следующий миг кольцо вырвалось из носа коровы и подскочило вверх. Эльпис, оказавшись внизу, замычала в агонии и принялась лупить копытами по каменным стенкам колодца.

– *Папка!* – закричал Генри. Он поднес ко рту сжатые в кулаки руки. Костяшки пальцев вдавливались в верхнюю губу. – *Заставь ее это прекратить!*

Эльпис издала долгий, протяжный стон, продолжая лупить копытами по камню.

Я взял Генри за руку и повел его, спотыкающегося, к дому. Толкнул его на диван, купленный Арлетт по почтовому каталогу, и велел сидеть, пока я за ним не приду.

– И помни: все почти закончилось.

– Это никогда не закончится, – ответил он и улегся лицом вниз, закрыв уши руками, хотя мычания Эльпис здесь слышать не мог. Но только Генри *слышал* его, да и я тоже.

На верхней полке в кладовой я нашарил винтовку, с которой иногда охотился на птиц. Пусть и двадцать второго калибра, она вполне годилась для того, что я собирался сделать. А если бы Харлан услышал выстрелы, докатись они через кукурузное поле до его фермы? Пока-

⁶ Эльпис – греческая богиня надежды.

зания соседа только подтвердили бы нашу версию. Лишь бы Генри хватило выдержки не отступать от нее.

Вот что мне удалось понять в 1922 году: впереди всегда ждет худшее. Ты думаешь, что видел самое ужасное в своей жизни, то самое, что объединяет все твои кошмарные сны в невероятный ужас, существующий наяву, и утешение тебе только одно – хуже уже ничего быть не может. А если и может, то разум не выдержит и ты этого не узнаешь. Но худшее происходит, и разум выдерживает, и ты продолжаешь жить. Ты понимаешь, что вся радость ушла из твоей жизни, что содеянное тобой лишило тебя всех надежд, что именно тебе лучше было бы умереть... но ты продолжаешь жить. Понимаешь, что ты в аду, сотворенном собственными руками, но все же живешь и живешь. Потому что другого не дано.

Эльпис упала на тело моей жены. Ухмыляющееся лицо Арлетт по-прежнему оставалось на виду, обращенное к залитому солнцем миру наверху. Казалось, она по-прежнему смотрит на меня. И крысы возвращались. Упавшая корова, несомненно, заставила крыс метнуться в трубу, о которой я теперь думал, как о Крысином бульваре, но потом они почуяли свежее мясо и поспешили обратно. Они быстро опробовали бедную Эльпис, которая мычала и лягалась (теперь гораздо слабее), а одна сидела на голове моей жены, напоминая жуткую корону. Она прогрызла дыру в джутовом мешке и лапками дергала клочок волос. Щеки Арлетт, когда-то кругленькие и симпатичные, висели клочьями.

Хуже этого ничего быть не может, подумал я. Конечно же, это самое ужасное, что я когда-нибудь увижу.

Увы, впереди всегда ждет что-то худшее. Когда я, застывший в изумлении и отвращении, смотрел вниз, Эльпис вновь лягнулась, и на этот раз ее копыто угодило в и без того изуродованное лицо Арлетт. Я услышал, как хрустнула челюсть моей жены, и все, что находилось ниже носа, сместилось влево, словно повисло на петле. Осталась только ухмылка, от уха до уха. И оттого, что рот теперь не был симметричен глазам, стало еще хуже. Казалось, вместо одного лица мертвой жены на меня тарасились два. Тело Арлетт повалилось на матрас, сдвинув его. Крыса, которая сидела на ее голове, прыгнула куда-то вниз. Эльпис опять замычала. Я подумал, что Генри, подойди он сейчас к колодцу и загляни в него, убил бы меня за то, что я втянул его во все это. И я, наверное, заслуживал того, чтобы меня убили. Но тогда он остался бы один, совершенно беззащитный.

Часть крышки упала в колодец, часть только свешивалась вниз. Я зарядил винтовку, оперся об оставшуюся, наклонную часть крышки, прицелился в Эльпис, которая сломала шею и лежала, привалившись головой к каменной стене. Подождал, пока руки перестанут трястись, и нажал на спусковой крючок.

Одного выстрела хватило.

Вернувшись в дом, я обнаружил, что Генри заснул на диване. Я был совершенно разбит и подавлен, поэтому не нашел в этом ничего странного. В тот момент решил, что это нормально и вселяет надежду: он, конечно, запачкался, но не настолько, чтобы не оттереться от грязи до конца жизни. Я наклонился и поцеловал его в щеку. Он застонал и отвернулся. Оставив его, я пошел в амбар за инструментами. Когда сын присоединился ко мне тремя часами позже, я уже убрал уцелевшую часть сломанной крышки колодца и начал засыпать его.

– Я помогу. – Голос Генри звучал мертво и бесстрастно.

– Хорошо. Возьми грузовик и съезди к земляной куче у Восточной изгороди.

– Сам? – Он просто не верил своим ушам, а я порадовался, что в голосе появились эмоции.

– Ты знаешь, где передние передачи, так что найдешь и заднюю.

– Да...

– А потом все у тебя получится. Мне есть чем заняться, а когда ты вернешься, худшее будет позади.

Я ожидал вновь услышать от него, что худшее никогда не закончится, но он ничего не сказал. Продолжая засыпать колодец, я все еще видел голову Арлетт и джутовый мешок, из дыры в котором торчал клочок ее волос. Возможно, между бедер моей жены уже устраивался выводок только что родившихся крысят.

Я услышал, как двигатель грузовика кашлянул раз, потом другой. Надеялся, что заводная ручка не вырвется и не сломает Генри руку.

Когда сын крутанул ручку в третий раз, двигатель нашего старого грузовика ожил. Генри пару раз резко газанул и уехал. Вернулся через час, – в кузове была земля и камни. Он подъехал к самому краю колодца, заглушил двигатель. Рубашку он снял, и тело – очень уж худенькое – блестело от пота. Я мог пересчитать все ребра. Попытался вспомнить, когда вдоволь кормил его. Поначалу не смог, потом осознал, что нормальным был лишь завтрак, после той ночи, когда мы с ней разобрались.

Этим вечером он получит все, что надо, подумал я. Говядины нет, но свинины в леднике хватает...

– Посмотри. – Его голос вновь стал бесстрастным. И он указал, куда смотреть.

Я увидел приближающийся к нам беличий хвост пыли. Посмотрел вниз. Из земли еще вылезала половина Эльпис. Это меня вполне устраивало, но рядом с коровой виднелся и край замазанного кровью матраса.

– Помоги мне, – велел я.

– Нам хватит времени, папка? – с легким интересом спросил он.

– Не знаю. Возможно. Только не стой, помогай мне.

Еще одна лопата стояла у стены амбара, рядом с разломанной деревянной крышкой. Генри схватил ее, и мы, стараясь действовать быстро, продолжили сбрасывать в колодец землю и камни.

Когда автомобиль шерифа округа с золотой звездой на дверце и прожектором на крыше подъехал к колоде для колки дров (вновь обратив в бегство Джорджа и кур), мы с Генри, оба без рубашек, сидели на ступеньках крыльца и допивали кувшин лимонада – последнее, что приготовила в этом доме Арлетт. Шериф Джонс вылез из-за руля, подтянул штаны, снял стетсон, пригладил седеющие волосы и вернул шляпу на место, точно по линии загара. Он приехал один. Я это воспринял как добрый знак.

– Добрый день, господа, – поздоровался он, взглянув на наши голые плечи, грязные руки, потные лица. – Занимались тяжелой работой, так?

Я сплюнул.

– Черт побери, и я в этом виноват.

– Неужели?

– Одна наша корова упала в старый колодец, – ответил Генри.

– Неужели? – повторил Джонс.

– Да, – кивнул я. – Хотите стакан лимонада, шериф? Его приготовила Арлетт.

– Арлетт? Так она решила вернуться?

– Нет, – ответил я. – Она забрала любимую одежду, но оставила лимонад.

– Я выпью. Но сначала мне надо воспользоваться вашим туалетом. После того как я перевалил за пятьдесят пять, мне, похоже, приходится отливать под каждым кустом. Чертовски неудобно.

– Это за домом. Идите по тропинке и ищите полумесяц на двери.

Он захохотал, будто услышал шутку года, и ушел за дом. Интересно, подумал я, он остановится, чтобы заглянуть в окна? Обязательно, если что-то смыслил в своей работе, а я слышал, что смыслил. Во всяком случае, когда был молодым.

– Папка, – прошептал Генри.

Я вопросительно посмотрел на него.

– Если он догадается, мы больше ничего не сможем сделать. Я могу солгать, но убивать больше не буду.

– Хорошо, – ответил я. Над этим коротким разговором я размышлял все последующие восемь лет.

Шериф Джонс вернулся, застегивая ширинку.

– Пойди в дом и принеси шерифу стакан, – попросил я Генри.

Сын ушел. Шериф разобрался с ширинкой, снял шляпу, вновь пригладил волосы, надел шляпу. На бедре у Джонса висел большой револьвер, и хотя по возрасту он никак не мог участвовать в Великой войне⁷, кобура выглядела как собственность АЭС⁸. Может, осталась после сына. Сын шерифа погиб на той войне.

– Нормальный запах в туалете, – прокомментировал он. – Не страшно зайти в жаркий день.

– Арлетт постоянно сыпала туда негашеную известь, – ответил я. – Постараюсь так тоже делать, пока она не вернется. Давайте поднимемся на крыльцо и посидим в тени.

– Тень – это хорошо, но я лучше постою. Надо давать нагрузку на позвоночник.

Я сел в свое кресло-качалку с вышитым на сиденье «ПА». Он встал рядом со мной, глядя на меня сверху вниз. Мне это не очень нравилось, но я делал вид, будто мне без разницы. Генри вернулся со стаканом. Шериф Джонс сам налил себе лимонад, попробовал, одним глотком осушил его чуть ли не до дна, вытер губы.

– Хороший, правда? Не кислый, но и не сладкий, а какой надо. – Он рассмеялся. – Я говорю, как Златовласка, да? – Он допил остальное, но покачал головой, когда Генри предложил вновь наполнить стакан. – Хочешь, чтобы я останавливался у каждого столба по пути в Хемингфорд-Хоум? А потом и в Хемингфорд-Сити?

– Вы перевели свое управление? – спросил я. – Я думал, оно здесь, в Хемингфорд-Хоуме.

– Точно. В тот день, когда меня заставят перевести управление шерифа в административный центр округа, я уйду в отставку и позволю Хэпу Бердуэллу занять должность, на которую он так рвется. Нет, нет, просто в Хемингфорд-Сити проводится судебное слушание. Вроде бы речь пойдет только о бумагах, но вы знаете, как судья Криппс... нет, пожалуй, не знаете, будучи законопослушным гражданином. Он очень раздражительный, и его характер становится только хуже, если человека вовремя нет на месте. Поэтому, даже если от меня требуется только сказать: «Да поможет мне Бог», – а потом расписаться в куче судебных бумаг, мне приходится спешить туда, отложив все здешние дела, и надеяться, что этот чертов «макси» не сломается на обратной дороге.

Я на это ничего не ответил. Не выглядел шериф, как человек, который куда-то спешил. Но возможно, такая уж у него была манера.

Он опять снял шляпу, пригладил волосы, но на этот раз надевать ее не стал. Пристально посмотрел на меня, на Генри, потом снова на меня.

– Полагаю, вы понимаете: я здесь не по собственной воле. Уверен, что все происходящее между мужем и женой – их личное дело. Так и должно быть, да? Библия говорит: мужчина для женщины голова, и все, что положено знать женщине, она должна узнавать от своего мужа

⁷ Имеется в виду Первая мировая война.

⁸ АЭС – Американские экспедиционные силы (American Expeditionary Forces), американская армия, участвовавшая в Первой мировой войне.

дома. Книга Коринфян. Будь Библия единственным моим боссом, я бы все делал, как в ней говорится, и жизнь была бы проще.

– Я удивлен, что с вами нет мистера Лестера, – заметил я.

– Он хотел приехать, но я ему запретил. Еще он хотел, чтобы я запасся ордером на обыск, но я сказал ему, что мне ордер не нужен. Сказал, что просто вы или позвольте мне все осмотреть – или не позвольте. – Он пожал плечами. Его лицо оставалось спокойным, но глаза – настороженными и пребывали в непрерывном движении, улавливая все, не упуская никаких деталей.

Когда чуть раньше Генри заволновался насчет колодца, я ответил: «Мы присмотримся к шерифу и решим, насколько он сообразительный. Если сообразительный, покажем все сами. Мы должны держаться так, словно нам нечего скрывать. А если увидим, что он туповат, думаю, нам лучше рискнуть. Но мы должны быть заодно, Хэнк. И если я увижу, что ты справляешься сам, то рта раскрывать не буду».

Я поднял стакан и допил лимонад. Когда заметил, что Генри смотрит на меня, согнул большой палец. Чуть-чуть. Словно он сам дернулся.

– А что этот Лестер думает? – В голосе Генри слышалось негодование. – Что мы связали ее и держим в подвале? – Его руки не двигались, а безвольно висели.

Шериф Джонс добродушно рассмеялся, его большой живот заколыхался под ремнем.

– Я не знаю, *что* он думает. Да мне и без разницы. Адвокаты – мухи на шкуре человечества. Я могу так говорить, поскольку работал с ними – или против них – всю свою взрослую жизнь. Но... – Его пронизательные глаза встретились с моими. – Я не против того, чтобы все осмотреть, только потому, что ему вы не позволили войти. Его это взбесило.

Генри почесал руку. Я дважды согнул большой палец.

– Он мне не понравился, вот я ему и не позволил, – объяснил я. – Хотя, если по-честному, я не позволил бы и апостолу Иоанну, если бы он пришел сюда, представляя интересы Коула Фаррингтона.

Шериф Джонс громко захохотал: «Ха-ха-ха!» Но глаза его не смеялись.

Я встал. Теперь я возвышался над шерифом на три или четыре дюйма. Мне разом стало легче.

– Вы можете смотреть где угодно и сколько угодно.

– Я вам за это признателен – упрощает мою жизнь. У меня еще встреча с судьей Криппсом, а это уже тяжелая работа. И я не хочу слушать твяканье ищеек Фаррингтона, если есть возможность этого избежать.

Мы вошли в дом, я – впереди, Генри – последним. После нескольких дежурных фраз о том, как уютно в гостиной и чисто на кухне, мы двинулись в коридор. Шериф Джонс для приличия заглянул в комнату Генри, а потом мы прибыли туда, куда он стремился. Распахивая дверь в нашу спальню, я почему-то был уверен в том, что кровь вернулась и мы увидим ее брызги на стенах, лужи на полу, пятна на матрасе. А шериф Джонс, увидев это, повернется ко мне, снимет с ремня наручники (кобура с револьвером висела на одном мясистом бедре, наручники – на другом) и скажет: «Я арестую тебя за убийство Арлетт Джеймс, так?»

Но в спальне не было не только крови, но и запаха крови, ведь комната несколько дней проветривалась. Кровать я застилал не так, как Арлетт, более строго, в армейском стиле, хотя ноги уберегли меня от войны, с которой не вернулся сын шерифа. Тех, у кого плоскостопие, не отправили убивать фрицев. Мужчины с плоскостопием годились только на убийство собственных жен.

– Милая комната, – отметил шериф. – Ранним утром здесь уже светло, так?

– Да, – кивнул я, – а во второй половине дня прохладно, потому что солнце уже с другой стороны дома. – Я подошел к стенному шкафу и открыл его. Вновь накатило ощущение уве-

ренности, еще более отчетливое, чем раньше, что сейчас последует вопрос: «А где стеганое одеяло? Которое лежало на верхней полке, посередине?»

Шериф, разумеется, этого не спросил, но тут же заглянул в стенной шкаф. Его пронзительные глаза – ярко-зеленые, почти звериные – метались из стороны в сторону.

– Много нарядов.

– Да, – признал я. – Арлетт нравилась одежда и нравились каталоги «Товары – почтой». Но поскольку она взяла только один чемодан – у нас их два, второй все еще у дальней стены, видите? – она упаковала только ту одежду, которая ей нравилась больше всего. Ну и, наверное, самую практичную. У нее были двое слаксов и джинсы, а теперь их нет, хотя брюки она не особенно часто носила.

– Брюки удобны в поездке, так? Независимо от того, мужчина ты или женщина, брюки удобны в поездке. И женщина может остановиться на брюках. Допустим, если торопится.

– Пожалуй, – согласился я.

– Она взяла драгоценности и фотографию бабушки и дедушки, – слышался сзади голос Генри. Я даже подпрыгнул – совсем забыл о его присутствии.

– Правда? Наверное, не могла не взять.

Шериф еще раз внимательно осмотрел одежду Арлетт и закрыл дверь стенового шкафа.

– Милая комната. – Он направился к коридору со стетсоном в руке. – Милый дом. Только рехнувшаяся женщина может бросить такую спальню и такой дом.

– Мама много говорила о жизни в городе. – Генри вздохнул. – Ей хотелось открыть там магазин.

– Правда? – Зеленые глаза шерифа уставились на него. – Что ж! Но для этого требуются деньги, так?

– Она унаследовала землю от отца, – вставил я.

– Да, да. – Шериф застенчиво улыбнулся, будто совсем забыл об этом. – Может, оно и к лучшему. Лучше жить в пустоши, чем со сварливой, злой женщиной. Книга Притч. Ты рад, что она уехала, сынок?

– Нет. – Глаза Генри наполнились слезами.

Я мысленно благословлял каждую слезинку.

– Ладно, ладно. – Шериф сочувственно покивал, а потом, опираясь руками на пухлые колени, заглянул под кровать. – Вроде бы там женские туфли. На широком каблуке, удобные для ходьбы. Она же не могла убежать из дома босиком, так?

– Она обычно ходила в холщовых туфлях. Они тоже пропали.

Конечно, пропали. Выцветшие, зеленые, которые она называла садовыми туфлями. Я вспомнил о них, перед тем как начал засыпать колодец.

– Ага! – кивнул шериф. – Еще одна тайна раскрыта. – Он вытащил из кармана жилетки серебряные часы и взглянул на них. – Пожалуй, мне пора. Время поджидает.

Мы направились к крыльцу. Генри вновь шел последним, возможно, чтобы никто не видел, как он вытирает слезы. Мы сопроводили шерифа к седану «максвелл» со звездой на дверце. Я уже собирался спросить его, хочет ли он взглянуть на колодец, когда он остановился и с пугающей добротой посмотрел на моего сына.

– Я заезжал к Коттери, – сообщил он.

– Да? – переспросил Генри. – Правда?

– Я же говорил, что теперь останавливаюсь чуть ли не под каждым кустом, но всегда пользуюсь туалетом, если знаю, что хозяева содержат его в чистоте и можно не волноваться из-за ос, дожидаясь, пока из моего крантика вытечет жидкость. Коттери очень чистоплотные. У них такая симпатичная дочь. Почти твоего возраста, так?

– Да, сэр. – На последнем слове Генри чуть возвысил голос.

– Нравится она тебе, правда? И ты ей, судя по словам ее мамы.

– Она так сказала? – спросил Генри, явно удивленный и при этом довольный.

– Да. Миссис Коттери сказала, что ты тревожишься из-за своей мамы и что-то говорил насчет этого Шеннон. Я спросил, что именно, а она ответила, что у нее нет права об этом рассказывать, но я могу спросить у Шеннон. Вот я и спросил.

Генри смотрел себе под ноги.

– Я сказал ей, чтобы она никому не говорила.

– Ты же не будешь из-за этого обижаться на нее, так? – задал вопрос шериф Джонс. – Когда большой дядька со звездой на груди спрашивает такую малышку, как она, что ей известно, малышке трудно удержать рот на замке, правда? Ей ничего не остается, как сказать, разве нет?

– Не знаю. – Генри по-прежнему смотрел себе под ноги. – Вероятно. – Он не играл несчастного – он был несчастным, пусть события и развивались, как мы рассчитывали.

– Шеннон говорит, твои отец и мать крепко поругались из-за продажи этих ста акров, а когда ты взял сторону отца, миссис Джеймс достаточно сильно тебя ударила.

– Да, – сухо ответил Генри. – Она слишком много выпила.

Шериф Джонс повернулся ко мне:

– Она напилась или просто была навеселе?

– Где-то между, – ответил я. – Если бы напилась, то продрыхла бы всю ночь, вместо того чтобы встать, собрать чемодан и тихонько, как вор, выскользнуть из дома.

– Вы думали, она вернется, как только протрезвеет?

– Да. До асфальтовой дороги больше четырех миль. Я не сомневался, что она вернется. Но должно быть, кто-то ехал мимо и подвез ее к себе до того, как у нее прочистилась голова. Наверное, водитель какого-нибудь грузовика, которые курсируют между Линкольном и Омахой.

– Да, да, и я бы так подумал. Уверен, вы услышите о ней, когда она свяжется с мистером Лестером. Если она собирается начать новую жизнь в городе, если она так решила, ей понадобятся деньги.

Что ж, он тоже это знал.

Шериф вновь пристально посмотрел на меня.

– У нее были деньги, мистер Джеймс?

– Ну...

– Давайте не будем стесняться. Признание полезно для души. Католики в этом правы.

– Я держал жестянку в комоде. Примерно двести долларов, чтобы платить сборщикам урожая, которые приступят к работе в следующем месяце.

– И мистеру Коттери, – напомнил Генри. Повернувшись к шерифу Джонсу, он добавил: – У мистера Коттери есть жатка «харрис джайант» для кукурузы. Почти новая. Классная штука.

– Да, да, видел у него во дворе. Большущая мерзавка, да? Деньги из жестянки исчезли, так?

Я кисло улыбнулся – только в действительности улыбался не я: Коварный Человек правил бал с того самого момента, как шериф Джонс подъехал к колоде для колки дров.

– Она оставила двадцатку. Щедро, ничего не скажешь. Но именно двадцатку Коттери берет за использование жатки, так что все в порядке. Что же до сборщиков урожая, я думаю, Стоппенхаузер из банка выдаст мне краткосрочную ссуду. Если только он не в долгу перед «Фаррингтон компани». В любом случае лучший помощник у меня есть. – Я попытался потрепать Генри по волосам. Он, смущаясь, отпрянул.

– Пожалуй, мне есть что сообщить мистеру Лестеру, так? Ему все это не понравится, но если он умен, а он считает себя умником, то поймет: ему остается только ждать, когда она

появится у него в офисе, и это произойдет скорее раньше, чем позже. Пропавшие обычно появляются, когда у них заканчиваются зелененькие, да?

– По моему опыту, да, – ответил я. – Если вы закончили, шериф, мы с сыном вернемся к работе. Этот бесполезный колодец следовало засыпать тремя годами раньше. Моя старая корова...

– Эльпис. – Генри говорил как во сне. – Ее звали Эльпис.

– Эльпис, – согласился я. – Она вышла из амбара, забралась на крышку, а дерево не выдержало. Мне пришлось ее пристрелить. Пойдемте за амбар, и я покажу вам – эта ленивая тварь теперь в колодце. Мы собираемся похоронить ее там, где она сейчас и лежит, и отныне я буду называть старый колодец «Дурь Уилфреда».

– Что ж, я бы посмотрел, но у меня встреча со старым, вечно недовольным судьей. В другой раз. – Кряхтя, шериф уселся за руль. – Спасибо за лимонад и гостеприимство. Вы бы могли его и не проявлять, учитывая то, с чьей подачи я сюда приехал.

– Все нормально, – ответил я. – Каждый должен выполнять свою работу.

– И нести свой крест. – Проницательный взгляд шерифа сместился на Генри. – Сынок, мистер Лестер сказал мне, что ты явно что-то скрывал. Он в этом не сомневается. И ты скрывал, так?

– Да, сэр, – ответил Генри все тем же бесстрастным и каким-то жутким голосом. Словно все его эмоции улетучились, как и напасти, лежавшие в сосуде Пандоры, когда она его открыла. Да только у Генри и у меня надежды не осталось: дохлая Эльпис лежала на дне колодца.

– Если он спросит меня, я скажу ему, что он ошибался, – продолжил шериф Джонс. – Адвокату компании не обязательно знать, что мать мальчика подняла на него руку, когда была пьяна. – Он пошуровал под сиденьем, достал длинный S-образный инструмент, хорошо мне знакомый, и протянул Генри: – Не побережешь спину и плечо старику, сынок?

– Да, сэр, конечно. – Генри взял ручку и направился к переднему бамперу «максвелла».

– Береги запястье! – прокричал Джонс. – Она лягается, как бык! – Потом повернулся ко мне. Блеск заинтересованности ушел из глаз. Вместе с зеленью. Теперь они выглядели тусклыми и серыми, как вода в озере в пасмурный день. Это были глаза человека, который мог чуть ли не до смерти забить бродягу, найденного в грузовом вагоне, и спать спокойно, нисколько об этом не жалея. – Мистер Джеймс, должен вас кое о чем спросить. Как мужчина мужчину.

– Хорошо. – Я попытался подготовиться к следующему вопросу, который, я в этом не сомневался, вот-вот должен слететь с губ шерифа: *«В вашем колодце есть еще одна корова? По имени Арлетт?»* Но я ошибся.

– Я могу передать по телеграфу ее имя и приметы, если будет на то ваше желание. Она не уедет дальше Омахи, правда? У нее всего сто восемьдесят зеленых. Женщина, которая всю жизнь вела домашнее хозяйство, понятия не имеет, как прятаться. Вряд ли она отправится в восточную часть города, где дешевые пансионаты. Я могу сделать так, что ее приведут к вам. Притащат за волосы, если вы захотите.

– Это великодушное предложение, но...

Тусклые серые глаза разглядывали меня.

– Подумайте об этом, прежде чем ответить «да» или «нет». Иногда женщина просто просит, чтобы к ней «приложили руку», если вы понимаете, о чем я, а потом она становится шелковой. Хорошая взбучка многим идет на пользу. Подумайте об этом.

– Ладно.

Взревел двигатель «максвелла». Я протянул руку – ту самую, которой резал горло жене, – но шериф Джонс этого не заметил. Он регулировал зажигание и газ.

Две минуты спустя о его визите напоминало лишь уменьшающееся на глазах облако пыли.

– Он даже не захотел посмотреть, – удивился Генри.

– Не захотел.

И, как оказалось, хорошо, что не захотел.

Мы быстро засыпали колодец, когда увидели, что он едет к нам. Из земли к тому моменту торчала только одна задняя нога Эльпис. Копыто находилось примерно на четыре фута ниже края колодца. Мухи вились тучей. Шериф удивился бы, с чего бы, это точно, но удивился бы еще больше, если б увидел, как земля перед выступающим из нее копытом начала пульсировать, поднимаясь и опускаясь.

Генри выронил лопату и схватил меня за руку. Несмотря на жару второй половины дня, пальцы его были холодными. Как лед.

– *Это она!* – прошептал мой сын. Глаза вдруг стали огромными, в пол-лица. – *Она пытается вылезти!*

– Черт возьми, не веди себя, как девчонка! – бросил я, но тоже не мог отвести глаз от колышущегося круга земли. Колодец словно ожил, а мы, казалось, видели биение его спрятанного в глубине сердца.

Потом земля и камешки полетели в разные стороны, и на поверхности появилась крыса. Глаза, черные, как капли нефти, моргнули от яркого солнечного света. Размерами она практически не уступала взрослой кошке. К усикам прилип кусочек окровавленной джутовой ткани.

– *Ах ты срань!* – прокричал Генри.

Что-то просвистело в считанных дюймах от моего уха, а потом кромка штыка лопаты Генри рассекла пополам голову крысы, которая застыла, ослепленная солнечным светом.

– Это она послала ее. – Генри улыбался. – Крысы теперь принадлежат ей.

– Ничего подобного. Ты просто переволновался.

Он бросил лопату и пошел к куче камней, которые мы собирались навалить сверху после того, как засыпали бы колодец землей. Сын сел и посмотрел на меня, захваченный этой мыслью.

– Ты уверен? Ты уверен, что она не будет преследовать нас? Люди говорят, призрак убитого возвращается, чтобы донимать тех, кто...

– Люди много чего говорят. Молния никогда не бьет дважды в одно место, разбитое зеркало приносит семь лет неудач, крик козодоя в полночь означает, что в семье кто-то умрет... – Я пытался рассуждать здраво, но не мог отвести взгляд от мертвой крысы и окровавленного клочка джутовой мешковины. От *сеточки для волос* Арлетт. Она по-прежнему носила ее, внизу в темноте, только теперь в сеточке появилась дыра, из которой торчал клочок волос. *Этим летом такая прическа – писк моды для всех мертвых женщин*, подумал я.

– Когда был маленьким, я действительно верил, что сломаю спину моей матери, если наступлю на трещину, – улыбаясь, произнес Генри.

– Вот именно... теперь понимаешь?

Он поднялся, отряхнул пыль с зада и подошел ко мне.

– Я прибил эту тварь, да?

– *Прибил.* – И поскольку мне не понравился тон, которым он произнес эту фразу, – совершенно не понравился! – я хлопнул его по спине.

Генри по-прежнему улыбался.

– Если бы шериф подошел посмотреть, когда ты его приглашал, и увидел эту крысу, у него возникли бы новые вопросы, ты так не думаешь? – И Генри истерически расхохотался.

Прошло четыре или пять минут, прежде чем его безумный смех сошел на нет. Он напугал стаю ворон, которые взлетели с изгороди, отделявшей кукурузу от места для коров, но в конце концов он отсмеялся. Работу мы заканчивали уже после захода солнца и слышали, как совы обмениваются впечатлениями, пролетая над крышей амбара и дожидаясь восхода луны. Теперь на земле, которой мы засыпали колодец, камни лежали плотно, один к одному, и я не думал,

что еще какой-нибудь крысе удастся выбраться на поверхность. Мы не стали класть на место разломанную крышку – в этом не было необходимости. Генри вроде бы полностью пришел в себя, и я подумал, что мы оба хорошо выспимся.

– Как насчет сосисок, фасоли и кукурузного хлеба? – спросил я его.

– А можно запустить генератор и послушать по радио «Пирушку на телеге?» – спросил он.

– Да, сэр, можно.

Он улыбнулся нормальной, прежней улыбкой:

– Спасибо, папка.

Еды я наготовил на четверых, и мы съели все.

Двумя часами позже я сидел в кресле в гостиной и клевал носом над «Сайлесом Марнером»⁹, когда Генри вышел из своей комнаты в одних летних подштанниках. Он очень серьезно посмотрел на меня.

– Мама всегда настаивала на том, чтобы я перед сном молился, ты это знал?

Я в удивлении моргнул.

– До сих пор? Нет. Не знал.

– Да. Даже после того, как она не смотрела на меня, если я был без штанов, и говорила, что я уже взрослый. Но теперь молиться у меня не получается, наверное, больше вообще не смогу молиться. Если опущусь на колени, думаю, Бог убьет меня.

– Если Он есть, – ответил я.

– Я надеюсь, что нет. Без Него одиноко, но я надеюсь, что Его нет. Думаю, все убийцы на это надеются. Потому что без рая нет и ада.

– Сынок, ее убил я.

– Нет... мы сделали это вместе.

Он ошибался. Он был ребенком, а я его в это втянул, но ему казалось, что убийцы мы оба, и я думал, что он навсегда останется при своем мнении.

– Но ты не тревожься из-за меня, папка. Я знаю, ты думаешь, что я проговорюсь... возможно, Шеннон. Или чувство вины заставит меня пойти в Хемингфорд-Хоум и во всем признаться шерифу.

Само собой, такие мысли приходили мне в голову.

Генри покачал головой, медленно и многозначительно.

– *Этот шериф... ты видел, как все осматривал? Видел его глаза?*

– Да.

– Он постарается усадить нас обоих на электрический стул, вот что я думаю, и даже не вспомнит, что мне исполнится пятнадцать только в августе. И он будет там, будет смотреть этими жестокими глазами, как нас привяжут и...

– Хватит, Хэнк. Этого достаточно.

Оказалось достаточно для меня – не для него.

– ...и врубят ток. Я сделаю все, что в моих силах, лишь бы этого не допустить. Не хочу, чтобы эти глаза стали последним, что я увижу на этом свете. Никогда. Слышишь, *никогда*.

– Иди спать, Генри.

– Хэнк.

– Хэнк. Иди спать. Я тебя люблю.

Он улыбнулся:

– Я знаю, но не очень-то этого заслуживаю. – И он, волоча ноги, вышел из гостиной, прежде чем я смог ответить.

⁹ Имеется в виду «Сайлес Марнер: ткач из Рейвлоу» – роман английской писательницы Джордж Элиот (1819–1880).

А теперь – на боковую, как говорил мистер Пипс¹⁰. Мы спали, пока совы охотились, а Арлетт сидела в чернейшей черноте с челюстью, свернутой набок ударом копыта. На следующее утро взошло солнце, вновь выдался хороший для кукурузы день, и мы занимались обычными делами. Когда я вернулся домой, потный и уставший, на крыльце стоял глиняный горшок с крышкой, в котором я обнаружил тушеные овощи с мясом. Из-под горшка выглядывала записка. Я прочитал:

Уилф! Мы очень сожалеем о случившемся и окажем всемерную помощь. Харлан говорит, в этом году ты можешь не платить за жатку. Пожалуйста, если получишь весточку от своей жены, дай нам знать.

С любовью, Салли Коттери.

P.S. Если Генри придет повидаться с Шен, я пришло с ним черничный пирог.

Улыбаясь, я сунул записку в нагрудный карман комбинезона. Наша жизнь без Арлетт началась.

Если Бог награждает нас за добрые дела, – Ветхий Завет на это намекает, а пуритане в этом абсолютно уверены, – тогда, возможно, сатана награждает за дурные. Я не могу этого утверждать, но ответственно заявляю: то лето выдалось хорошим. Кукурузе хватало и тепла, и солнца, а дожди в достаточной степени поливали наш огород. Иной раз после обеда гремел гром и сверкали молнии, но обошлось без жутких, ломающих кукурузу ветров, которых так боятся фермеры Среднего Запада. Харлан Коттери приехал на своей жатке «харрис джайант», и она ни разу не сломалась. Я тревожился, что «Фаррингтон компани» будет вставлять мне палки в колеса, но обошлось. Я без проблем получил ссуду в банке и расплатился уже в октябре, поскольку в тот год цена на кукурузу взлетела до небес, тогда как железная дорога снизила цену за перевозки до минимума. Если вы изучали историю, то знаете, что эти две цены, за продукцию и за перевозку, к двадцать третьему году поменялись местами и с тех пор пребывают в таком состоянии. Для фермеров Среднего Запада Великая депрессия началась следующим летом – крахом Чикагской сельскохозяйственной биржи. Но лето 1922 года выдалось идеальным, о таком фермер может только мечтать. Омрачил его лишь инцидент с еще одной нашей коровой-богиней, и я скоро расскажу вам об этом.

Мистер Лестер приезжал еще дважды. Пытался давить на нас, но давить ему было нечем, и он это знал, потому что в тот июль выглядел как побитая собака. Я могу представить, как жали на него боссы из «Фаррингтон компани», вот он и старался вовсю. В первый раз задавал массу вопросов, это даже не вопросы были, а намеки. Не думаю ли я, что с моей женой произошел несчастный случай? Нет ли у меня таких мыслей, раз уж она не связалась со мной, не связалась с ним, чтобы обратить в доллары свои сто акров, и не вернулась на ферму, поджав, как говорится, хвост? Не думаю ли я, что она стала жертвой какого-то насильника, который ее подвозил? Такое случается, правда? Время от времени? И разумеется, подобный вариант очень меня устроил бы, разве нет?

Когда Лестер появился второй раз, на его лице читалось отчаяние, и он выпалил сразу: не произошел ли с моей женой несчастный случай прямо здесь, на ферме? Именно поэтому ее нигде не нашли, ни живой, ни мертвой...

– Мистер Лестер, если вы спрашиваете, убил ли я свою жену, ответ – нет.

– Да, конечно, а как еще вы можете ответить на этот вопрос?

¹⁰ Сэмюэл Пипс (1633–1703) – английский чиновник морского ведомства, член парламента, автор знаменитого дневника о повседневной жизни лондонцев.

– Это был ваш последний вопрос, сэр. Идите к своему грузовику, уезжайте и больше сюда не возвращайтесь. Если вернетесь, я вас отлуплю рукояткой топора.

– И сядете в тюрьму за нападение и нанесение побоев. – В тот день он нацепил целлулоидный воротничок, который съехал набок. Наверное, стоило пожалеть мистера Лестера, когда он стоял передо мной с кривым воротничком, врезающимся в мягкую плоть под подбородком, с полосками, оставленными на его покрытом пылью, пухлом лице с капельками пота, с дрожащими губами и выпученными глазами.

– Как бы не так. Я вас предупредил: держитесь подальше от моей собственности. И я собираюсь отправить письмо вашей компании с таким же предупреждением и с уведомлением о вручении. Если появитесь здесь снова, это будет нарушением закона, и я вас изобью. Считайте, что вы предупреждены, сэр.

Ларс Олсен, который вновь привез Лестера на своем грузовике «Красная крошка», сложил ладони лодочкой и приставил к ушам, чтобы лучше слышать.

Подойдя к бездверной кабине со стороны пассажирского сиденья, Лестер повернулся ко мне и вытянул руку с указующим перстом, словно адвокат в зале суда, желающий произвести впечатление на присяжных.

– Я думаю, вы ее убили! Рано или поздно тайное станет явным!

Генри, или Хэнк – теперь он предпочитал это имя, – вышел из амбара. Он закидывал сено на сеновал, поэтому держал в руках вилы наперевес, совсем как винтовку.

– По-моему, вам лучше убраться отсюда до того, как вам пустят кровь. – Добрый и застенчивый мальчик, каким я знал Генри до лета 1922 года, никогда бы такого не сказал, а Хэнк сказал, и Лестер понял, что это не пустые слова. Он залез в кабину. Поскольку дверцу захлопнуть не мог, ограничился тем, что сложил руки на груди.

– Приезжай в любое время, Ларс. – Я посмотрел на Олсена. – Но этого не бери с собой, как бы много он ни предлагал тебе за перевозку своего толстого зада.

– Да, сэр, мистер Джеймс, – ответил Ларс, и они уехали.

Я повернулся к Генри:

– Ты бы ткнул его вилами?

– Да. Чтобы он заверещал. – А потом без тени улыбки он вернулся в амбар.

Но в то лето он, случалось, улыбался, и по понятной причине. Этой причиной была Шеннон Коттери. Он часто виделся с ней (и, как я выяснил осенью, она показывала ему больше, чем следовало). Шеннон взяла за правило приходить к нам по вторникам и четвергам, во второй половине дня, в длинном платье и шляпке, и приносила корзинку, наполненную чем-то вкусным. По ее словам, она знала, «что готовят мужчины», словно прожила на свете тридцать, а не пятнадцать лет, и намеревалась проследить, чтобы хотя бы два раза в неделю мы могли сытно поужинать. И хотя мне довелось только раз отведать тушеного мяса с овощами, приготовленного миссис Коттери, я могу сказать, что даже в пятнадцать лет эта девушка была отменной кухаркой. Мы с Генри просто поджаривали стейки на сковороде. Шеннон же использовала приправы, благодаря которым мясо приобретало божественный вкус. Она приносила в корзинке и свежие овощи – не только морковь и горошек, но и экзотическую (для нас) спаржу и толстую зеленую фасоль, которые готовила с луком-севком и беконом. Потом следовал десерт. Я могу закрыть глаза в этом обшарпанном номере отеля и вновь уловить аромат ее выпечки. Вновь увидеть, как над столом покачивалась ее грудь, когда она взбивала яичный белок или сливки.

У Шеннон было большое сердце, как, впрочем, и грудь, и бедра. К Генри она относилась с нежностью, чувствовалось, что он ей дорог. Оттого она стала дорога и мне... только это, читатель, лишь в малой степени отражает мои чувства к ней. Я полюбил ее, и мы оба любили Генри. По вторникам и четвергам после обеда я сам убирал со стола, а их отправлял на крыльцо. Иногда, слыша, как они шепчутся, выглядывал на крыльцо и видел, как они бок о

бок сидят в креслах-качалках, смотрят на западное поле и держатся за руки, как давно женатая пара. Случалось, я замечал, как они целовались, и тут уж они не походили на супругов. В этих поцелуях чувствовались страсть и нетерпение, свойственные только очень молодым, и я отворачивался: щемило сердце.

Однажды во вторник она пришла рано. Ее отец жал кукурузу на северном поле, Генри помогал ему, за жаткой шли сборщики, индейцы из резервации шошонов в Лайм-Биске, а последним ехал грузовик Старого Пирога. Шеннон попросила кружку холодной воды, и эту просьбу я с радостью исполнил. Она стояла в тени дома, в широком платье до пят и с длинными рукавами, в квакерском платье. Оставалось только удивляться, как она в нем не запарилась. Шеннон была так зажата, даже испугана, что на какое-то мгновение я тоже испугался.

Он ей сказал, подумал я. Ошибся, конечно. Да только в каком-то смысле он ей действительно сказал.

– Мистер Джеймс, Генри болен?

– Болен? Разумеется, нет. Я бы сказал, здоров как бык. И ест так же. Ты сама видела. Хотя я думаю, даже больной человек не сможет отказаться от твоей готовки, Шеннон.

Своими словами я заработал улыбку, но, увы, мимолетную.

– В это лето он какой-то другой. Я всегда знала, о чем он думает, а теперь – нет. Он *уходит в себя*.

– Правда? – спросил я, пожалуй, с излишним жаром.

– Вы не заметили?

– Нет, мэм. – Я, конечно, заметил. – Для меня он все тот же Генри. Но к тебе он неровно дышит, Шен. Может, тебе кажется, что он уходит в себя, поскольку он влюблен.

Я думал, после этих слов могу рассчитывать на искреннюю улыбку, но нет. Она коснулась моего запястья. Холодными, как ручка кружки, пальцами.

– Я думала об этом, но... – И она тут же раскрыла причину своей тревоги. – Мистер Джеймс, если бы ему нравился кто-то еще... одна из девочек из нашей школы... вы бы мне сказали, правда? Не пытались бы... расстроить меня?

Я рассмеялся и увидел отразившееся на ее лице облегчение.

– Шен, послушай меня, я твой друг. Лето – время тяжелой работы, а с уходом Арлетт мы с Хэнком заняты, как однорукие оклейщики обоев. Вечером, приходя домой, мы едим – и очень вкусно, когда приходишь ты, – и еще час читаем. Иногда он говорит о том, как ему не хватает его мамы. Потом ложимся спать, встаем, и все повторяется. Ему едва хватает времени, чтобы ухаживать за тобой, не говоря уж о какой-то другой девушке.

– За мной он ухаживает, это так. – Она посмотрела в ту сторону, откуда доносилось стрекотание жатки ее отца.

– Что ж... это ведь хорошо?

– Я просто думала... он теперь такой тихий... такой задумчивый... иногда смотрит вдаль, и мне приходится дважды или трижды повторять его имя, прежде чем он услышит меня и ответит. – Она густо покраснела. – Даже поцелуй его кажутся другими. Не знаю, как это объяснить, но они другие. И если вы когда-нибудь повторите ему мои слова, я умру. Просто умру.

– Никогда не повторю. Друзей не предают.

– Наверное, я веду себя глупо. И разумеется, ему не хватает мамы. Я знаю, что не хватает. Но в школе так много девочек, которые красивее... красивее меня...

Я приподнял ее подбородок, чтобы она смотрела на меня.

– Шеннон Коттери, когда мой мальчик смотрит на тебя, он видит самую красивую девочку на свете. И он прав. Черт, да будь я в его возрасте, тоже ухаживал бы за тобой.

– Спасибо, – ответила она. В уголках глаз, как маленькие бриллианты, застыли слезы.

– Единственное, о чем тебе надо волноваться, – это как возвращать его к действительности, если он забывается. Парни могут очень уж разгорячиться, знаешь ли. А в крайнем случае просто приди и скажи мне. Друзья могут поговорить и о таком, это нормально.

Тут она обняла меня, а я – ее. Но объятие это, наверное, доставило Шеннон больше удовольствия, чем мне. Потому что между нами стояла Арлетт. Она стояла между мной и всем, что происходило летом 1922 года, и думаю, то же самое ощущал и Генри. Шеннон только что рассказала мне об этом.

Одной августовской ночью, когда уборка кукурузы закончилась и бригада Старого Пирога, получив причитающиеся деньги, вернулась в резервацию, меня разбудило коровье мычание. *Я проспал дойку*, подумал я, нащупал на прикроватном столике карманные часы моего отца и, всмотревшись в циферблат, увидел, что еще четверть четвертого. Приложив часы к уху, убедился, что они тикают, да и взгляд в окно, за которым царила безлунная ночь, подсказал, что до дойки еще далеко. Впрочем, и по мычанию коровы чувствовалось: причина не в том, что ей хочется избавиться от молока. Животное мучилось от боли. Коровы так мычат, когда телятся, но наши «богини» давно вышли из этого возраста.

Поднявшись, я направился к двери, но тут же вернулся к стенному шкафу и достал винтовку двадцать второго калибра.

Я услышал, как Генри похрапывает за закрытой дверью своей комнаты, когда проходил по коридору с винтовкой в одной руке и сапогами в другой. Надеюсь, что он не проснется и не захочет присоединиться ко мне в этом, возможно, опасном деле. К тому времени в наших краях почти не осталось волков, но Старый Пирог говорил, что около рек Платт и Медсин-Крик появились лисы с «летней болезнью». Так шошоны называли бешенство, и причиной мычания коровы вполне могла стать бешеная тварь, проникшая в амбар.

Когда я вышел из дома, мычание стало очень громким, но при этом отдавалось эхом. *Как корова в колоде*, подумал я. От этой мысли по коже побежали мурашки, и я еще крепче сжал винтовку.

К тому времени, как я добрался до амбара и плечом открыл правую створку ворот, другие коровы тоже замычали, но эти звуки напоминали спокойные расспросы и не шли в сравнение с отчаянным мычанием, которое разбудило меня... и я знал, что разбудит Генри, если я не устраню причину, его вызывающую. Справа от двери на крюке висела угольная лампа. Мы не пользовались открытым огнем в амбаре без крайней необходимости, особенно летом, когда рядом сено и собранная кукуруза.

Я нащупал кнопку зажигания и нажал. Амбар озарило сине-белое сияние. Поначалу я ничего не видел, только слышал наполненное ужасом мычание и удары копыт: одна из наших «богинь» пыталась разделаться с нападавшим. Это была Ахелоя¹¹. Когда мои глаза чуть привыкли к свету, я увидел, что она мотает головой из стороны в сторону. Пятится назад, потом упирается задними ногами в дверь стойла – третьего справа, если идти по проходу, – и вновь бросается вперед. Паника начала охватывать и остальных коров.

Я подтянул подштанники и поспешил к стойлу, зажав винтовку под левой рукой. Распахнул дверь и отступил. Ахелоя означает «та, кто прогоняет боль», но на этот раз боль доставала саму Ахелоя. Когда она неуклюже вышла в проход, я увидел, что ее задние ноги в крови. Она вскинула их, как лошадь (никогда не видел, чтобы корова так делала), а когда вскинула, я заметил огромную серую крысу, вцепившуюся в один из ее сосков. Под весом крысы короткий розовый отросток удлинился в несколько раз, сузившись в трубку. Замерев от удивления и ужаса, я подумал о том, как Генри, еще ребенком, растягивал розовую жевательную резинку,

¹¹ В греческой мифологии Ахелой – божество одноименной реки или океана, отец сирен. Кличка коровы соответствует «фамилии» дочерей Ахелоя.

оставляя один конец во рту. *Не делай этого*, обычно говорила ему Арлетт. *Никому не хочется смотреть на то, что ты ждешь.*

Я поднял винтовку. Потом опустил. Ахелоя мычала и мотала головой из стороны в сторону, словно это могло как-то помочь. Как только все ее четыре ноги вернулись на пол, крыса тоже смогла коснуться деревянных половиц задними лапами. Она напоминала странного щенка с капельками запятого кровью молока на усах. Я осмотрелся в поисках чего-то тяжелого, чем мог бы ударить ее, но, прежде чем успел схватить швабру, которую Генри оставил у стойла Фемонои¹², Ахелоя вновь вскинула задние ноги, и крыса прыгнула на пол. Поначалу я подумал, что она просто отцепилась, но потом увидел розовый и сморщенный отросток, торчащий из ее пасти, как сигара. Чертова тварь оторвала сосок бедной Ахелои! Корова прижалась головой к стойке амбара и устало посмотрела на меня, как бы говоря: *Все эти годы я давала тебе молоко, со мной не было никаких проблем – в отличие от некоторых, кого ты знаешь, так почему ты допустил, чтобы такое случилось со мной?* Лужица крови натекла под ее выменем. Хотя случившееся потрясло меня и вызвало отвращение, я понимал, что от такой раны корова не умрет. Однако ее вид – и вид крысы со злополучным соском в пасти – разъярил меня.

Я не стал стрелять в крысу, отчасти опасаясь пожара, но главным образом из-за того, что не надеялся попасть в цель, держа в одной руке лампу. Вместо этого взмахнул винтовкой, рассчитывая ударом приклада убить крысу, как Генри лопатой убил другую, вылезшую из земли. Но Генри был мальчишкой с отличной реакцией, а я – мужчиной средних лет, еще не полностью проснувшимся. Крыса легко избежала удара и помчалась по центральному проходу. Откушенный сосок ходил взад-вперед в ее пасти, и я понял, что она ест его на ходу, он был теплый и, несомненно, полный молока. Я бросился за крысой, ударил еще дважды, но оба раза промахнулся. Потом понял, куда она бежит: к трубе, ведущей в засыпанный колодец, из которого мы когда-то поили домашний скот. Естественно! Крысиный бульвар! После того как мы засыпали колодец, выбраться из него можно было только по трубе. Иначе крысы остались бы там навсегда. Похороненными с ней.

Но, конечно же, думал я, эта тварь слишком большая, чтобы пролезть в трубу. Она прибежала со двора. Возможно, из гнезда в навозной куче.

Крыса прыгнула к трубе, и когда залезала в отверстие, ее тело удивительным образом вытягивалось. Я взмахнул прикладом винтовки в последний раз, но с ударом опоздал. Крыса успела заползти в трубу. Когда я поднес лампу к срезу, то увидел безволосый хвост, исчезающий в темноте, услышал, как когти скребут по оцинкованному металлу. А потом крыса пропала, стихли и звуки. Мое сердце билось так сильно, что перед глазами запрыгали белые точки. Я глубоко вдохнул, но со вдохом пришла вонь гнилья и разложения, такая сильная, что я отпрянул, закрывая рукой нос. Рвавший из груди крик был заглушен рвотным позывом. Вонь застряла в носу, и я буквально увидел Арлетт на другом конце трубы, с насекомыми и червями, копошившимися в ее плоти, тающей с каждым часом и днем. Лицо сползло с черепа, ухмылка губ сменялась вечной костяной ухмылкой.

Я рванул прочь от этой жуткой трубы на всех четырех, выстреливая струи рвоты то направо, то налево, а когда окончательно распростился с ужином, за ним последовала желчь. Глаза слезились, но я увидел, что Ахелоя вернулась в стойло. И это радовало. По крайней мере отпала необходимость гоняться за ней по амбару.

Прежде всего я хотел заткнуть трубу, считая это самым неотложным делом, но едва рвота прекратилась, ко мне вернулось здравомыслие. Конечно же, сначала следовало заняться Ахелоей. Она всегда давала много молока, и, что более важно, я нес за нее ответственность. Я держал аптечку в маленькой комнате, которую использовал как кабинет. Здесь же хранились и

¹² Фемоноя – дочь Аполлона и первая жрица в Дельфах, ее имя обозначало «предсказательница».

бухгалтерские книги. В аптечке я нашел большую банку антисептической мази Роули. В углу лежал ворох тряпок. Я взял половину и вернулся к стойлу Ахелои. Закрыв дверь, чтобы не попасть под удар копытом, сел на табуретку для доения. Думаю, в глубине души я считал, что заслуживаю удара копытом. Но дорогая старушка Ахелоя стояла как вкопанная, когда я гладил ее по боку и шептал: «Тихо, моя хорошая, тихо, моя хорошая-прехорошая». И она действительно стояла спокойно, хотя и подрагивала, когда я смазывал мазью рану на вымени.

Предприняв необходимые меры для предотвращения заражения, я использовал тряпки, чтобы стереть мою блевотину. Тут требовалось поработать на совесть. Любой фермер скажет вам, что человеческая блевотина привлекает всякую живность точно так же, как не закрытая должным образом яма для пищевых отходов, – енотов, сурков, но главным образом крыс. Крысы обожают человеческие харчишки.

Несколько тряпок у меня осталось, но это были ветхие кухонные полотенца – слишком тонкие, они не годились для моей очередной цели. Я снял с крюка серп, осветил дорогу к поленнице и отрезал квадратный кусок плотного брезента, которым мы накрывали дрова. Вернувшись в амбар, присел у трубы, направил в нее свет лампы, желая убедиться, что ни одна крыса (та самая или какая-то другая, потому что там, где замечена одна крыса, их наверняка много) не собирается защищать свою территорию. Труба – во всяком случае, те четыре фута, которые я увидел, – была пустой. Я не заметил даже катышков, и меня это не удивило. Эта дорога активно использовалась – единственная оставшаяся у них дорога, – и на ней они не гадили, оправляясь уже в амбаре.

Я засунул брезент в трубу. Жесткий и объемный, он никак не хотел лезть в узкое отверстие, и мне пришлось воспользоваться черенком швабры, чтобы затолкать его подальше, но я справился.

– Вот, – сказал я. – Посмотрим, как вам это понравится. Задыхайтесь на здоровье.

Я вернулся к стойлу Ахелои, чтобы проверить, как она. Корова стояла спокойно и даже печально посмотрела на меня, когда я погладил ее по боку. Я знал тогда и знаю теперь, что она была всего лишь коровой, – будьте уверены, фермерам редко приходят в голову романтические мысли в отношении животного мира, – но от этого взгляда у меня на глаза навернулись слезы, и мне пришлось подавить рыдание. *Я знаю, ты сделал все, что мог*, говорил этот взгляд. *Я знаю, это не твоя вина.*

Но вина была моей.

Я думал, что буду долго лежать без сна, а заснув, увижу крысу, с соском в пасти бегущую по деревянным половицам амбара к трубе, но заснул практически сразу, спал крепко, без сновидений и хорошо отдохнул. Проснулся в залившем спальню утреннем свете и с вонью разлагающегося тела моей мертвой жены на руках, простынях и наволочке. Резко сел, жадно хватая ртом воздух и уже понимая: этот запах – иллюзия, этот запах – мой кошмарный сон. Он пришел ко мне не ночью, а с утренним светом, когда я уже лежал с широко раскрытыми глазами.

Я опасался угрозы заражения от крысиного укуса, несмотря на мазь, но все обошлось. Ахелоя умерла в том же году, но не от этого. Больше, однако, она молока не давала. Ни единой капли. Мне следовало забить ее, но я никак не мог заставить себя это сделать. Из-за меня она и так настрадалась.

На следующий день я протянул Генри список покупок, велел взять грузовик, поехать в город и все купить. Широкая, изумленная улыбка расплзлась по его лицу.

– Грузовик? Я? Сам?

– Ты по-прежнему помнишь передние передачи? И по-прежнему сможешь найти заднюю?

– Господи, конечно!

– Тогда, думаю, ты можешь ехать. Не в Омаху и даже не в Линкольн, но если не будешь гнать, без проблем доберешься до Хемингфорд-Хоума.

– Спасибо! – Сын обнял меня и поцеловал в щеку. На мгновение возникло ощущение, что мы с ним вновь друзья. Я даже позволил себе в это поверить, хотя сердцем понимал: это не так. Улики, возможно, спрятаны под землей, но правда стояла между нами – и будет стоять всегда.

Я дал ему кожаный бумажник.

– Это бумажник твоего деда. Можешь оставить его себе; я все равно собирался подарить его тебе осенью, на день рождения. В нем деньги. Все, что останется, – твое. – Я чуть не добавил: «*И не привози с собой бродячих псов*», – но вовремя осекся. Эта фраза частенько слетала с губ его матери.

Он попытался поблагодарить меня снова, но не смог, слишком волновался.

– На обратном пути остановись у кузницы Ларса Олсена и залей полный бак. Не забудь об этом, иначе вернешься на своих двоих, а не за рулем.

– Я не забуду. И... папка?

– Что?

Он переступил с ноги на ногу и застенчиво посмотрел на меня.

– Могу я заехать к Коттери и предложить Шен прокатиться со мной?

– Нет, – ответил я. У него вытянулось лицо, прежде чем я продолжил: – Но ты можешь спросить у Салли или Харлана, можно ли Шен поехать с тобой. И обязательно скажи им, что никогда раньше в город не ездил. Я доверяю тебе, сынок, полагаюсь на твою честность.

Как будто мы оба не стали лжецами.

Я стоял у ворот, пока наш старый грузовик не исчез в облаке пыли. В горле застрял комок, который я не мог проглотить. У меня возникло необъяснимое, но отчетливое ощущение, предчувствие, что я больше его не увижу. Наверное, так бывает с большинством родителей, которые в первый раз видят, как ребенок впервые уезжает куда-то один, и осознают, что он достаточно взрослый, чтобы самостоятельно выполнять те или иные поручения. То есть он уже больше, чем ребенок. Но я не мог долго раздумывать над этим. Мне предстояло важное дело, и я отослал Генри для того, чтобы заняться им в его отсутствие. Он все равно мог увидеть, что случилось с нашей коровой, и догадаться, кто это сделал, но я подумал, что следует немного смягчить удар.

Сначала я заглянул в стойло Ахелои. Она была несколько апатичной, но в полном здравии. Потом проверил трубу. Ее по-прежнему затыкал брезент, но я не питал особых иллюзий: со временем крысы все равно его прогрызли бы. Требовалась затычка покрепче. Я принес мешок цемента к колонке и в старом ведре замесил раствор. Вернувшись в амбар, подождал, пока он загустеет, после чего продвинул брезент еще глубже, как минимум на два фута, и освободившееся пространство набил цементным раствором. К тому времени, когда Генри вернулся (и в прекрасном настроении: в город он поехал с Шеннон, а сдачи хватило на газировку и мороженое), раствор затвердел. Полагаю, некоторые крысы могли в поисках еды выбраться из трубы до того, как я засунул туда брезент, но я не сомневался, что большинство остались замурованными в темноте, включая и ту, что покалечила бедную Ахелую. И там, внизу, им предстояло умереть. Если не от удушья, то от голода, когда опустеет их чудовищная кладовая.

Так я тогда думал.

В промежутке между 1916 и 1922 годами в Небраске процветали даже самые глупые фермеры. Харлан Коттери, далеко не глупый, жил лучше многих. Его ферма ясно говорила об этом. В 1919-м он добавил к ней амбар и силосную башню, в 1920-м пробурил глубокую скважину, которая давала невероятные шесть галлонов в минуту. Годом позже провел воду

в дом (хотя ему хватило ума оставить туалет во дворе). И потом трижды в неделю он и его женщины могли наслаждаться невероятной для глубинки роскошью: ванной и душем, горячая вода для которых не подогревалась в ведрах на плите, а поступала по одним трубам, чтобы по другим стечь в пруд. Именно благодаря душе открылся секрет, который хранила Шеннон Коттери, хотя, полагаю, я его уже знал с того дня, когда она сказала: *«За мной он ухаживает, это так»*, – сухо и тускло, очень уж не похоже на нее, и при этом смотрела не на меня, а на далекие силуэты жатки ее отца и идущих следом сборщиков урожая.

Произошло это в конце сентября, когда кукурузу давно собрали, но на огороде оставалось много работы. Как-то в субботу, когда Шеннон наслаждалась душем, ее мать шла по заднему коридору с охапкой белья, которое она сняла с веревки раньше, чем следовало, поскольку дело шло к дождю. Шеннон, вероятно, думала, что плотно закрыла дверь ванной, – большинство женщин стремятся к тому, чтобы никто не подсматривал за ними в душе, а у Шеннон, когда лето 1922 года перешло в осень, была для этого особая причина – но, возможно, защелка соскочила, и дверь чуть приоткрылась. Мать Шеннон заглянула в щелку, и пусть занавеска полностью отгораживала душевую, намокнув, она стала полупрозрачной. Салли могла и не видеть дочь; ей хватило одного взгляда на силуэт девушки, на этот раз без свободного квакерского платья, которое позволяло скрыть фигуру. И тут все стало ясно: пять месяцев беременности или около этого. Наверное, Шеннон все равно не смогла бы еще долго хранить свой секрет.

Двумя днями позже Генри вернулся из школы (теперь он ездил туда на грузовике) испуганный и с виноватым видом.

– Шен последние два дня не приходила в школу, – рассказал он, – и я завернул к Коттери, чтобы спросить, все ли с ней в порядке. Я подумал, она могла заболеть испанкой. В дом они меня не пустили. Миссис Коттери велела мне уезжать и сказала, что ее муж приедет сегодня вечером, чтобы поговорить с тобой, после того как закончит все дела. Я спросил, могу ли я что-нибудь сделать, и она ответила: *«Ты уже сделал предостаточно, Генри»*.

Тут я вспомнил слова Шен, а Генри закрыл лицо руками.

– Она беременна, папка, и они это знают. Ясно, в этом все дело. Мы хотим пожениться, но теперь, боюсь, они нам не позволят.

– О них не думай, – отчеканил я. – Я тебе не позволю.

Он посмотрел на меня обиженными, влажными от слез глазами.

– Почему?

Я подумал: *Ты видел, что произошло между твоей матерью и мной, и все равно спрашиваешь?* Но ответил иначе:

– Ей пятнадцать лет, а тебе исполнится пятнадцать лишь через две недели.

– Но мы любим друг друга!

Ох, этот крик безумца! Этот бабский вопль. Мои руки, безвольно висевшие, сжались в кулаки, и я с трудом разжал пальцы. Злость помочь не могла. Мальчику требовалась мать, чтобы обсудить этот деликатный вопрос, но Арлетт сидела на дне засыпанного землей колодца в компании дохлых крыс.

– Я знаю, что любите, Генри...

– *Хэнк!* И другие женятся молодыми.

Раньше женились. А теперь, когда началось новое столетие и границы закрылись, это происходит все реже. Но я сказал ему другое:

– У меня нет денег, чтобы помочь вам начать новую жизнь. Может, году к двадцать пятому, если цены на зерно останутся высокими, но не теперь. И с учетом ребенка...

– Их *было бы* предостаточно! – воскликнул он. – Если бы ты так не стремился заполучить эти сто акров, их *было бы предостаточно!* И она поделилась бы со мной! Не стала бы говорить со мной, как ты сейчас!

Его слова так потрясли меня, что я лишился дара речи. Прошло шесть недель или около того с тех пор, как мы в последний раз упомянули в разговоре Арлетт, пусть даже назвав ее всего лишь «она».

Сын с вызывающим видом смотрел на меня. И тут, в самом начале нашей дороги, я увидел Харлана Коттери. Он направлялся к нам. Я всегда считал его своим другом, но то, что его дочь вдруг оказалась беременной, могло изменить сложившиеся отношения.

– Нет, она не стала бы так с тобой говорить, – согласился я и встретился с ним взглядом. – Она бы поговорила с тобой гораздо хуже. И скорее всего высмеяла бы. Если заглянешь в свое сердце, сынок, ты это поймешь.

– Нет!

– Твоя мать назвала Шеннон маленькой шлюшкой, а потом посоветовала тебе держать свою штучку в штанах. Это был ее последний совет, и хотя прозвучал он грубо и обидно, как и многое из того, что она говорила, лучше бы ты ему последовал.

Злость Генри ушла.

– Это случилось после того... после той ночи... когда мы... Шен не хотела, но я ее уговорил. А как только мы начали, ей это понравилось так же, как и мне. Как только мы начали, она просила об этом снова и снова. – Он произнес это с какой-то странной, нездоровой гордостью, потом устало покачал головой. – А теперь сто акров зарастают сорняками, а у меня беда. Если бы мама была здесь, она помогла бы мне выкрутиться. Деньги решают все, как *он* говорит. – И Генри махнул рукой в сторону приближающегося шара пыли.

– Если не помнишь, с каким скрипом твоя мать расставалась с каждым долларом, тогда ты многое забываешь слишком уж быстро, – заметил я. – И если ты забыл, как она двинула тебе в зубы, когда...

– Я не забыл, – мрачно ответил Генри. А потом добавил еще более мрачно: – Я думал, ты мне поможешь.

– Попытаюсь. А пока я хочу, чтобы ты смылся. Ты подействуешь на отца Шен, как красная тряпка на быка, если будешь стоять здесь, когда он приедет. Позволь мне разобраться с ситуацией, узнать, как он ко всему этому относится... и тогда, возможно, я позову тебя на крыльцо. – Я сжал запястье Генри. – Я сделаю для тебя все, что смогу, сынок.

Он высвободил руку.

– Да уж, постарайся.

Он ушел в дом, и прямо перед тем, как Харлан въехал в наш двор на своем новом автомобиле (это был «нэш»¹³, зеленый, поблескивающий под слоем пыли, как спинка падальной мухи), я услышал, как хлопнула сетчатая дверь черного хода.

«Нэш» грохнул обратной вспышкой в глушителе и затих. Харлан вылез из-за руля, снял пыльник, сложил, оставил на сиденье. Он приехал в пыльнике, принарядившись в соответствии с моментом: белая рубашка, галстук-шнурок, хорошие воскресные брюки, ремень с серебряной пряжкой. Он поправил пояс, с тем чтобы брюки сели, как ему хотелось, чуть ниже небольшого животика. Коттери всегда хорошо относился ко мне, и я видел в нем не просто друга, а близкого друга, но сейчас я его ненавидел. И не потому, что он приехал жаловаться на моего сына – Бог свидетель, я бы на его месте поступил точно так же. Нет, меня бесил новенький сверкающий зеленый «нэш». Меня бесила серебряная пряжка в форме дельфина. И новая силосная башня Коттери, выкрашенная в ярко-красный цвет, и водопровод в их доме. А больше всего – тот факт, что на ферме у него осталась послушная жена-мышка, которая, несмотря на все тревоги, в этот самый момент готовила ужин. Жена, которая при решении любой проблемы говорила:

¹³ «Нэш» – автомобиль компании «Нэш моторс», основанной в 1916 г. бывшим президентом «Дженерал моторс» Чарльзом Нэшем.

Дорогой, как ты скажешь, так и будет. Женщины, учтите, такой жене не приходится бояться, что ее последний вздох выйдет через перерезанное горло.

Харлан поднялся по ступенькам крыльца. Я встал и протянул руку, ожидая, пожмет он ее или нет. Он замялся, прикидывая все «за» и «против», но в итоге легонько пожал и тут же отпустил.

– У нас серьезная проблема, Уилф.

– Знаю. Генри только что мне сказал. Лучше поздно, чем никогда.

– Лучше просто никогда, – пробурчал он.

– Присядешь?

Он подумал, прежде чем опуститься в кресло-качалку Арлетт. Я видел, что садиться ему не хочется, – мужчине, который разозлен и расстроен, не сидится на месте, – но он все-таки сел.

– Хочешь холодного чаю? Лимонада нет, Арлетт его отлично готовила, но...

Он отмахнулся пухлой, но крепкой рукой. Харлан был одним из самых богатых фермеров округа Хемингфорд, но не отлынивал от работы. При заготовке сена или на жатве вкалывал наравне с наемными работниками.

– Я рассчитываю вернуться домой до захода солнца. Ни хрена не вижу в свете этих фар. У моей девочки булочка в духовке, и, полагаю, ты знаешь, кто этот чертов пекарь.

– Тебе станет легче, если я скажу, что сожалею?

– Нет. – Он плотно сжал губы, и я увидел, как пульсируют вены на его шее. – Я безумно зол, а что еще хуже – злиться-то мне не на кого. Не могу злиться на детей, потому что они дети, хотя, не будь Шеннон беременна, я бы уложил ее на колено и высек за то, что она сделала. Ее хорошо воспитывали как дома, так и в церкви.

Я хотел спросить, не следует ли из его слов, что Генри воспитан плохо, но не раскрыл рта, предоставив ему высказать все, что накопилось у него в душе. Он готовил эту речь, и я понимал, что договариваться с ним будет проще после того, как он выплеснет все.

– Я хотел бы винить Салли за то, что она не заметила этого раньше, но у первородящих ребенок обычно высоко, все это знают и... Господи, ты видел, в каких платьях ходит Шен! Причем начала их носить давно. Она носит эти бабушкины платья с двенадцати лет, когда у нее начала расти... – Он поднял пухлые руки к груди.

Я молча кивнул.

– И я хотел бы винить тебя, потому что ты, похоже, увильнул от того разговора, который отцу полагается провести с сыном. – *Как будто ты что-то знаешь о воспитании сыновей*, подумал я. – Насчет того, что пистолет, который у него в штанах, надо держать на предохранителе. – Рыдание вырвалось из его груди, и он воскликнул: – Моя... маленькая... девочка... слишком молода, чтобы стать матерью!

Разумеется, на мне лежала вина, о которой Харлан ничего не знал. Если бы я не поставил Генри в отчаянное положение, когда ему так требовалась женская ласка, Шеннон, возможно, и не залетела бы. Я мог бы также спросить, а не следует ли Харлану возложить часть вины на себя, раз уж ему так хочется перекинуть ее на других. Но я молчал. По характеру молчуном не был, но жизнь с Арлетт выдрессировала меня.

– Только я не могу винить и тебя, потому что этой весной от тебя сбежала жена и, естественно, в такое время внимание рассеивается. Поэтому, пытаясь стравить злость, я пошел во двор и переколол полтелеги дров, прежде чем приехать сюда, и это сработало. Я пожал тебе руку, так?

Самодовольство, прозвучавшее в его голосе, едва не заставило меня сказать: *Если речь не об изнасиловании, думаю, нужны двое, чтобы станцевать танго.* Но ограничился лишь простым «да, пожал» – и замолчал.

– Что ж, и теперь вопрос в том, что ты собираешься с этим делать. Ты и этот парень, который сидел за моим столом и ел еду, приготовленную для него моей женой.

Какой-то дьявол – существо, которое вселяется в тебя, как я это понимаю, когда уходит Коварный Человек, – заставил меня сказать:

– Генри хочет жениться на ней и дать ребенку свою фамилию.

– Это настолько нелепо, что я даже не хочу этого слышать. Я не говорю, что у Генри нет горшка, чтобы пописать в него, и окна, через которое выплеснуть мочу, я знаю, что у тебя все в порядке, Уилф, ты хорошо управляешься с хозяйством, но это все, что я могу сказать. Эти годы были тучными, и ты по-прежнему на шаг впереди банка. Но что будет, если годы вновь станут тощими? А это наверняка произойдет. Будь у тебя наличные за ту сотню акров, ситуация бы изменилась... наличные помогают пережить трудные времена, все это знают... но Арлетт ушла, и акры эти будут сидеть, как мучающаяся запером старая дева в сортире.

На мгновение я попытался представить себе, что было бы, уступи я Арлетт с этой гребаной землей, как уступал во многом другом. *Я бы жил в вонь, вот что из этого вышло бы. Мне пришлось бы отрывать родник для коров, потому что коровы не смогли бы пить из реки, в которую спускают кровь и внутренности свиней.*

Это правда. Но я бы жил, а не существовал, Арлетт жила бы со мной, и Генри не превратился бы в мрачного, насупленного, своенравного подростка. Мальчика, навлекшего беду на девочку, с которой дружил с раннего детства.

– А что ты собираешься делать? – спросил я. – Сомневаюсь, что ты приехал сюда, не продумав плана действий.

Харлан, казалось, не слышал меня. Он смотрел поверх полей на силуэт своей новой силосной башни, видневшейся на горизонте. На его серьезном лице читалась печаль, но я пережил слишком многое, так что выражение его лица меня не тронуло. 1922-й стал худшим годом в моей жизни – я превратился в человека, которого больше не знал, и Харлан Коттери был для меня очередной выбоиной на тяжелой горной дороге.

– Она умная, – вновь заговорил Харлан. – Миссис Макреди из школы говорит, что Шен – лучшая ученица, которая у нее когда-либо была, а она проработала учителем почти сорок лет. Шен хороша в английском, а еще лучше в математике, что, по словам миссис Макреди, среди девочек редкость. Она разбирается в тригонометрии, Уилф. Ты это знал? Миссис Макреди сама не сильна в тригонометрии.

Нет, этого я не знал, но знал, как произносится это слово. Однако чувствовал, что сейчас не время поправлять соседа.

– Салли хотела отправить ее в хорошую школу в Омахе. Туда берут девочек, как и мальчиков, с 1918 года, хотя пока ни одна девочка школу не окончила. – Он бросил на меня взгляд, в котором читались отвращение и враждебность. – Женщинам, как ты понимаешь, прежде всего надо выйти замуж. И *рожать детей*. Вступай в «Восточную звезду»¹⁴ и подметаай этот чертов пол. – Он вздохнул. – Шен могла бы стать первой. У нее есть и трудолюбие, и ум. Ты этого не знал, так?

По правде говоря, нет. Я предполагал – и ошибся в этом, как и во многом другом, – что из нее получится разве что жена фермера, никак не больше.

– Она могла бы даже учиться в колледже. Мы планировали отправить ее в ту школу, как только ей исполнится семнадцать.

Салли планировала, ты это имеешь в виду, подумал я. Будь ты сам по себе, такая дикая мысль никогда не пришла бы в твою фермерскую голову.

¹⁴ Имеется в виду орден Восточной звезды – масонская организация, в которую принимаются и мужчины, и женщины. Основана в 1850 г.

– Шен хотела, и деньги мы отложили. Все к этому шло. – Он повернулся ко мне, и я услышал, как скрипнула его шея. – Это по-прежнему можно устроить. Но сначала – можно сказать, немедленно – она отправится в католический дом для девушек при монастыре Святой Евсевии в Омахе. Шен этого еще не знает, но так будет. Салли предлагала отправить ее в Диленд – там живет ее сестра – или к моим тетке и дядьке в Лайм-Биске, но я не доверяю этим людям, не уверен, что они все сделают, как мы решили. Да и девушку, создающую такие проблемы, нельзя отправлять к тем, кого она знает и любит.

– А что вы решили, Харлан? Помимо того, чтобы послать свою дочь в... ну, не знаю... в сиротский приют?

Он разозлился:

– Это не приют! Это чистенькое, приличное заведение, где придерживаются принципов морали. Так мне сказали. Я наводил справки, и все говорят о нем только хорошее. Шен будет там что-то делать, она будет учиться и через четыре месяца родит. Когда это произойдет, ребенка отдадут на усыновление. Сестры монастыря Святой Евсевии об этом позаботятся. Потом она вернется домой, а через полтора года сможет поехать учиться в колледж, как и хочет Салли. И я, разумеется. Этого хотим мы с Салли.

– А в чем моя роль? Как я понимаю, она должна у меня быть.

– Ты меня подначиваешь, Уилф? Знаю, у тебя выдался тяжелый год, но я все равно не хочу, чтобы ты меня подначивал.

– Я тебя не подначиваю, но тебе следует знать: ты не единственный, кто зол и кому стыдно. Просто скажи мне, чего ты хочешь, и, возможно, нам удастся остаться друзьями.

Холодная полуулыбка, которой он отреагировал на мои слова, – всего лишь изгиб губ и морщинки, появившиеся в уголках рта, – подсказала мне, что для него вероятность такого исхода минимальна.

– Мне известно, что ты не богат, но ты все равно должен взять на себя долю ответственности. Время, проведенное у монахинь – сестры называют это предродовым наблюдением за беременной женщиной, – обойдется мне в триста долларов. Сестра Камилла назвала это пожертвованием, когда я говорил с ней по телефону, но платеж – он и есть платеж.

– Если ты просишь разделить его...

– Знаю, что ста пятидесяти долларов у тебя нет, но ты все же найди семьдесят пять – именно столько будет стоить учитель. Тот, кто поможет Шен наверстать школьную программу.

– Я не в состоянии этого сделать. Арлетт обчистила меня, когда уходила. – И тут впервые у меня возникла мысль: а не осталось ли у нее какой-нибудь заначки? Двести долларов, которые она прихватила с собой, никогда не существовали, но даже мелочь, отложенная «на булавки», пригодилась бы в сложившейся ситуации. Я решил, что надо проверить все шкафчики и банки на кухне.

– Возьми еще одну краткосрочную ссуду, – предложил Харлан Коттери. – Я слышал, что по предыдущей ты рассчитался.

Разумеется, он слышал. Конечно, это конфиденциальная информация, но у таких людей, как мой сосед, очень чуткие уши. Меня вновь охватило негодование. Он позволил мне попользоваться его жаткой для кукурузы и не взял за это даже двадцати долларов. И что с того? Теперь он просил больше, как будто его драгоценная дочь сама не раздвигала ноги и не говорила: *Заходи и покрась стены*.

– У меня были деньги за урожай, чтобы заплатить, – ответил я. – Теперь их нет. У меня есть только земля, дом, а больше ничего.

– Ты найдешь, где взять деньги, – настаивал он. – Заложить дом, если потребуется. Семьдесят пять долларов – твоя доля, и в сравнении с тем, что твой парень мог начать менять подгузники в пятнадцать лет, я думаю, ты дешево отделаешься.

Он встал. Я тоже.

– А если я не найду способа? Что тогда, Харлан? Ты пришлешь шерифа?

Его губы скривились в пренебрежительной гримасе, что вызвало у меня новый прилив ненависти к нему. Это длилось одно мгновение, но ту ненависть я ощущаю до сих пор, хотя многое другое перегорело в моем сердце.

– Я никогда не буду вмешивать в это законников. Но если ты не возьмешь на себя долю ответственности, между нами все кончено. – Он прищурился, взглянув на заходившее солнце. – Я уезжаю. Должен ехать, если хочу вернуться домой до темноты. Эти семьдесят пять долларов еще пару недель мне не понадобятся, так что время у тебя есть. И больше я спрашивать о них у тебя не буду. Если не принесешь, значит, не принесешь. Только не говори мне, что не можешь их раздобыть. Я знаю – это не так. Лучше бы ты позволил жене продать эти акры Фаррингтону, Уилф. Тогда она никуда не сбежала бы, а ты был бы при деньгах. И моя дочь, возможно, не носила бы под сердцем ребенка.

Мысленно я столкнул его с крыльца и обеими ногами прыгнул на его аккуратный, твердый животик, когда он попытался встать, потом я взял из амбара серп и проткнул острием один глаз. Но в действительности я стоял, взявшись рукой за перила крыльца, и смотрел, как он спускается по ступеням.

– Не хочешь поговорить с Генри? – спросил я. – Я могу его позвать. Он огорчен так же, как и я.

Харлан не сбавил шагу.

– Она была чистенькой, а он перепачкал ее. Если ты позовешь сюда сына, я могу и ударить его, просто не сдержусь.

Я задался вопросом: а смог бы он? Генри вырос, стал крепким парнем и – самое важное – знал, что такое убить человека. А Харлан Коттери – нет.

Ему не требовалось заводить мотор ручкой. «Нэш» заводился нажатием кнопки.

– Семьдесят пять долларов – это все, что мне нужно, чтобы поставить точку! – крикнул он, перекрывая грохот двигателя. Он объехал колоду для колки дров, обратив в бегство Джорджа и его свиту, и покатил к своей ферме, где имелся большой генератор и водопровод в доме.

Когда я повернулся, Генри стоял у меня за спиной, разъяренный донельзя.

– Они не могут вот так отослать ее!

Он подслушивал. Не могу сказать, что меня это удивило.

– Могут и отошлют. И если ты попытаешься совершить какую-нибудь глупость, то изменишь и без того плохую ситуацию к худшему.

– Мы можем убежать. Нас не поймают. Если мы с тобой сумели выйти сухими из воды... после того, что сделали... думаю, что смогу убежать в Колорадо с моей девушкой.

– Вы не сможете, поскольку у вас нет денег, – возразил я. – Он говорит, деньги решают все. Что ж, я скажу по-другому: отсутствие денег портит все. Я это знаю, а Шеннон еще узнает. Сейчас ей надо выносить ребенка...

– Нет, если его все равно заберут!

– Это не меняет того, что чувствует женщина, когда носит ребенка под сердцем. Благодаря младенцу она становится мудрее в том, чего мужчинам никогда не понять. Мое уважение к тебе или к ней не уменьшилось из-за того, что она забеременела, – вы не первые и далеко не последние, пусть даже мистер Надменность думал, что его дочь будет пользоваться тем, что у нее между ног, только в ватерклозете. Но если ты попросишь девушку на пятом или шестом месяце беременности убежать с тобой... и она согласится... я потеряю уважение к вам обоим.

– Да что ты в этом понимаешь? – бросил он с безграничным презрением. – Ты даже горло не можешь перерезать, не перепачкав все вокруг.

Я потерял дар речи. Он это увидел и оставил меня на крыльце.

На следующий день Генри без единого возражения отправился в школу, хотя и знал, что его возлюбленная там не появится. Вероятно, потому, что я разрешил ему взять грузовик. Парень рад был любому поводу сесть за руль, пока вождение автомобиля для него оставалось чем-то новым. Но разумеется, со временем ощущение новизны сойдет на нет. Все новое в конце концов приедается, и много времени для этого не требуется. И по большей части становится серым и убогим, как крысиная шкура.

Как только сын уехал, я пошел на кухню. Высыпал сахар, муку и соль из жестяных контейнеров, но ничего не нашел. Перебрался в спальню и обыскал ее одежду. Ничего. Заглянул во все туфли. Ничего. Но всякий раз, когда я ничего не находил, у меня крепла уверенность, что где-то есть *что-то*.

Меня ждала работа на огороде, но вместо этого я обошел амбар, направляясь к тому месту, где раньше был старый колодец. Теперь тут росли сорняки: ведьмина трава и включенный золотарник. Здесь под землей покоилась Эльпис... и Арлетт. Арлетт со свернутой набок челюстью. Арлетт с клоунской улыбкой. Арлетт *в сетке для волос*.

– Где они, своевольная сука? – спросил я ее. – Куда ты их спрятала?

Я попытался отвлечься от всех мыслей, как советовал мне отец, если я забывал, куда положил какой-то инструмент или одну из моих драгоценных книг. Через какое-то время вернулся в дом, в спальню, открыл стенной шкаф. На верхней полке лежали две коробки для шляп. В первой я нашел только шляпу – белую, ее она надевала, когда шла в церковь (если решала туда пойти, а случалось такое примерно раз в месяц). В другой коробке оказалась красная шляпа, и я ни разу Арлетт в ней не видел. По мне, в такой могла показаться на людях только шлюха. И под атласной внутренней лентой, многократно сложенные, размером не больше таблетки, лежали две двадчатки. И я говорю вам теперь, сидя в номере дешевого отеля и слушая, как крысы скребутся в стенах (да, мои давние друзья здесь), что эти две двадчатки запечатали проклятие моей души.

Потому их не хватало. Вы это понимаете, так? Разумеется, понимаете. Не обязательно разбираться в тригонометрии, чтобы знать: получить семьдесят пять можно, лишь прибавив к сорока тридцать пять. Вроде бы не такая большая сумма, правда? Но в те дни тридцати пяти долларов хватало, чтобы купить съестного на два месяца или приобрести хорошую, пусть и поддержанную сбрую в кузнице Ларса Олсена. Или оплатить билет на поезд до Сакраменто... иногда я сожалел, что не сделал именно этого.

35...

Иной раз, лежа в постели, я буквально вижу это число. Оно вспыхивает красным, как сигнал, предупреждающий о том, что нельзя пересекать железную дорогу, поскольку к поезду приближается поезд. Но я все равно пытался пересечь, и поезд давил меня. Если в каждом из нас сидит Коварный Человек, в каждом из нас есть еще и Лунатик. И в те ночи, когда я не могу спать, потому что мерцающее число не дает мне заснуть, мой Лунатик твердит о заговоре, в котором участвовали Коттери, Стоппенхаузер и эта фаррингтоновская компания. Я, разумеется, знаю, что это не так, во всяком случае, понимаю при дневном свете. Коттери и этот адвокат Лестер потом, возможно, и общались со Стоппенхаузером, но начиналось-то все совершенно невинно. Стоппенхаузер искренне пытался мне помочь... и заработать немного денег для «Хоум бэнк энд траст», само собой. Но когда Харлан или Лестер – а может, они оба – увидели представившуюся возможность, они сразу ею воспользовались. Коварный Человек столкнулся с еще большим коварством: как вам это нравится? К тому времени меня это особенно не волновало, поскольку я уже потерял сына, но вы знаете, кого я действительно виню?

Арлетт.

Да.

Потому что именно она оставила эти две купюры в красной шляпе продажной женщины, чтобы я их нашел. Теперь вы видите ее дьявольский замысел? Не эти сорок долларов доби́ли меня, а разница между ними и суммой, которую Коттери потребовал на учителя для своей беременной дочери. Он хотел, чтобы она изучала латынь и не отставала в *тригономии*.

35, 35, 35.

Я думал о деньгах, которые требовались Харлу на учителя, остаток недели и выходные дни тоже. Иногда доставал эти две купюры – я их расправил, но все перегибы остались – и смотрел на них. В воскресенье принял решение. Сказал Генри, чтобы в понедельник он отправлялся в школу на «Модели-Т», потому что грузовик требовался мне самому для поездки в Хемингфорд-Хоум. Надо было повидаться с мистером Стоппенхаузером из банка насчет краткосрочной ссуды. Маленькой ссуды. Всего тридцать пять долларов.

– Зачем тебе эти деньги? – Генри сидел у окна и задумчиво смотрел на темневшее западное поле.

Я ему рассказал. Думал, мой ответ приведет к очередному спору о Шеннон, и в каком-то смысле мне этого хотелось. Он ничего не говорил о ней всю неделю. Я знал, что Шен увезли. Мерт Донован просветил меня, когда заглянул за посевной кукурузой. «Поехала в какую-то модную школу в Омахе. Что ж, будет очень умной, вот что я думаю. Если женщины хотят голосовать, им лучше учиться. Хотя, – продолжил он после паузы, – моя делает то, что я ей говорю. И правильно, это для ее же блага».

Если я узнал, что Шеннон увезли, Генри тоже узнал и, возможно, раньше меня: в школе новости распространяются быстро. Но со мной он не поделился. Наверное, я пытался дать ему шанс выплеснуть все обиды и обвинения. Неприятно, конечно, но в долгосрочной перспективе могло принести пользу. Язве нельзя позволять гноиться – ни на лбу, ни под ним, в мозгу. Если такое происходит, заражение расползается по всему организму.

Но сын лишь буркнул что-то невразумительное, и я попытался задеть его сильнее:

– Мы с тобой разделим расходы. К Рождеству придется возвращать уже тридцать восемь долларов. По девятнадцать на каждого. Я вычту твои из тех денег, которые причитаются тебе за работу на ферме.

Конечно же, думал я, он вспылит... но вновь услышал в ответ невразумительное бурчание. Он даже не стал возражать против того, чтобы поехать в школу на «Модели-Т», хотя говорил, что другие ученики смеются над этой колымагой, называют ее «Жоподробилка Хэнка».

– Сынок!

– Что?

– Ты в порядке?

Он посмотрел на меня и улыбнулся. Во всяком случае, его губы изогнулись.

– Все у меня хорошо. Удачи тебе завтра в банке, папка. Я пошел спать.

– Ты меня поцелуешь? – спросил я, когда он встал.

Он поцеловал меня в щеку. Последний раз.

Генри поехал на машине в школу, я – на грузовике в Хемингфорд-Хоум, где мистер Стоппенхаузер пригласил меня в свой кабинет после короткого пятиминутного ожидания. Я изложил причину приезда, но не стал вдаваться в детали, сказав, что деньги нужны мне на личные нужды. Полагал, что такая мизерная сумма не требует дополнительных объяснений, и не ошибся. Когда я закончил, он, сцепив пальцы, положил руки на стол и посмотрел на меня чуть ли не с отеческой строгостью. В углу напольные часы «Регулятор» тихонько отсчитывали секунды. С улицы донесся куда более громкий треск двигателя. Его заглушили, последовала пауза, потом завелся другой двигатель. Мой сын приехал на «Модели-Т» и теперь уезжал на моем грузовике? Я не мог знать этого наверняка, но предполагал, что так и есть.

– Уилф, – начал мистер Стоппенхаузер, – прошло слишком мало времени, чтобы ты пережил случившееся с твоей женой – я про ее внезапный отъезд. Ты уж извини, что я коснулся столь болезненной темы, но мне кажется, это правильно, поскольку кабинет банкира в чем-то сравним с исповедальней священника. И я собираюсь поговорить с тобой, как голландский дядюшка¹⁵. И это логично, ведь мои родители прибыли оттуда.

Однажды я эту шутку слышал – и скорее всего ее слышали едва ли не все посетители этого кабинета – и почтительно улыбнулся, как бы признавая за ним право на иронию и поучение.

– Одолжит тебе «Хоум бэнк энд траст» тридцать пять долларов? Безусловно. Я бы одолжил их сам, достав из собственного бумажника, да только обычно ношу с собой сумму, необходимую на ленч в «Превосходном ресторане» да на чистку обуви. Деньги – постоянное искушение, даже для такого хитрого, умудренного жизненным опытом парня, как я, а кроме того, бизнес превыше всего. Но! – Он назидательно поднял палец. – Тебе не нужны тридцать пять долларов.

– Увы, нужны. – Я задался вопросом: а знает ли он, зачем именно? Он действительно был хитрым, умудренным жизненным опытом парнем. Но таким же был и Харлан Коттери, а тот, как выяснилось, дал маху.

– Нет, не нужны. Тебе нужны семьсот пятьдесят долларов, вот что тебе нужно, и ты можешь получить их сегодня. Или положи их на счет, или выйди с ними на улицу, мне все равно. Ты оплатил закладную за свой дом три года назад. Дом целиком и полностью принадлежит тебе. Так что нет абсолютно никакой причины не подписать еще одну закладную. Это делается постоянно, мой мальчик, причем нашими лучшими людьми. Ты бы удивился, узнав, какие бумаги лежат в нашем сейфе. От лучших людей. Да, сэр.

– Премного вам благодарен, мистер Стоппенхаузер, но я так не думаю. Эта закладная серым облаком висела над моей головой, пока я по ней не расплатился, и...

– Уилф, так об этом же и речь! – Палец вновь поднялся. На этот раз закачался из стороны в сторону, словно маятник «Регулятора». – Именно об этом! Люди, которые берут деньги под закладную, думают, будто вышли под ясное солнышко, а заканчивают тем, что не выполняют своих обязательств и лишаются ценной собственности. А такие, как ты, для кого закладная – тачка с камнями, которую надо везти и везти, всегда расплачиваются по долгам. Или ты хочешь мне сказать, что в ферму не надо вкладывать деньги? Не надо чинить крышу? Не надо подкупить домашней скотины? – Он с озорным видом взглянул на меня. – Может, даже провести в дом водопровод, как сделал твой сосед? Все это окупается, знаешь ли. После разных улучшений ферма подорожает на сумму, значительно превышающую закладную, Уилф! Вложенные деньги окупятся многократно!

Я обдумал его слова.

– Искушение велико, сэр. Не буду лгать насчет этого...

– И не надо. Кабинет банкира, исповедальня священника – разница невелика. Лучшие люди округа сидели в этом кресле, Уилф. Самые лучшие.

– Но я пришел лишь за краткосрочной ссудой, которую вы – и за это вам огромное спасибо – одобрили. А это ваше неожиданное предложение... Над ним нужно подумать. – Новая мысль пришла в голову и сразу мне понравилась. – Я должен поговорить об этом с моим мальчиком, Генри – Хэнком, как ему теперь нравится себя называть. Он уже в таком возрасте, когда с ним следует советоваться, ведь все мое со временем будет принадлежать ему.

– Понимаю, очень даже понимаю. Но, подписав закладную, ты поступишь правильно, поверь мне. – Стоппенхаузер поднялся и протянул руку. Я ее пожал. – Ты пришел сюда, чтобы купить рыбку, Уилф. Я предлагаю тебе приобрести удочку. Гораздо лучшая сделка.

¹⁵ To talk like a Dutch uncle – говорить, как голландский дядюшка (англ.), то есть учить уму-разуму.

– Спасибо вам, – ответил я, а уходя из банка, подумал: *Я переговорю об этом с сыном.* Хорошая мне пришла в голову мысль. Теплая мысль, согревшая сердце, которое зябло не один месяц.

Разум так странно устроен, правда? Сосредоточившись на предложении мистера Стоппенхаузера, я почти не обратил внимания на то, что грузовик, на котором я приехал, замечен легковушкой, на которой Генри уезжал в школу. Не представляю, как отреагировал бы, даже если бы голову занимали менее важные проблемы. Оба автомобиля я знал как свои пять пальцев. Оба принадлежали мне. До меня дошло, что машина другая, лишь когда я сунулся в кабину, чтобы взять заводную ручку, и увидел прижатый камнем сложенный лист бумаги, лежавший на водительском сиденье.

Я на какие-то мгновения застыл, заглядывая в кабину легковушки, одной рукой опираясь о борт, а вторую сунув под сиденье, где мы держали заводную ручку. Наверное, я знал, почему Генри удрал из школы и поменял автомобили, даже до того, как вытащил листок из-под импровизированного пресс-папье. Для дальней поездки грузовик надежнее. Скажем, для поездки в Омаху.

Папка!

Я должен взять грузовик. Полагаю, ты догадался, куда я еду. Оставь меня в покое. Я знаю, ты можешь послать шерифа Джонса, чтобы он привез меня домой, но я расскажу все, если ты это сделаешь. Ты, возможно, думаешь, что я изменю свое мнение, потому что я «всего лишь ребенок», НО Я НЕ ИЗМЕНЮ. Без Шен мне на все наплевать. Я люблю тебя, папка, пусть даже и не знаю почему, раз уж все, что мы сделали, приносит мне несчастье.

Твой любящий сын

Генри Хэнк Джеймс.

Домой я ехал как в забыты. Думаю, кто-то махал мне рукой... кажется, даже Салли Коттери, которая стояла в придорожном овощном киоске Коттери, и, наверное, я помахал в ответ, но точно не помню. Впервые после того, как шериф Джонс заявился на ферму, задавая свои веселые, не требующие ответа вопросы и разглядывая все холодными, ничего не упускающими глазами, электрический стул представился мне реальной перспективой, настолько реальной, что я буквально чувствовал, как кожаные ремни затягиваются на моих запястьях и лодыжках.

Я знал, что Генри поймут, независимо от того, обращусь я к шерифу или нет. Мне это казалось неизбежным. Денег у него не было, даже жалких центов, чтобы заправить бак, так что он не доехал бы и до Элхорна, а потом ему пришлось бы идти пешком. А если бы ему удалось украсть горючку, его поймали бы на подходе к тому месту, где теперь жила Шеннон. (Генри предполагал, что она там как заключенная, ему и в голову не приходило, что она может быть гостьей.) Конечно же, Харлан сообщил тамошней начальнице – сестре Камилле – приметы Генри. Даже если он и не рассматривал возможности того, что разъяренный лебедь появится там, где поселили его возлюбленную, сестра Камилла об этом думала. По роду своей деятельности ей, конечно, доводилось сталкиваться с разъяренными лебедями.

Я надеялся только на одно: попав в полицию, Генри будет хранить молчание достаточно долго, чтобы сообразить – причиной его задержания стали собственные глупые романтические идеи, а не мое вмешательство. Надеяться, что подросток поведет себя здраво – все равно что поставить на скачках на заведомого аутсайдера и уйти с ипподрома с выигрышем, но что еще мне оставалось?

И когда я въехал во двор, у меня появилась дикая мысль: не выключая двигателя легковушки, собрать вещи и укатить в Колорадо. Идея прожила не дольше двух секунд. Деньги у меня были – семьдесят пять долларов, – но машина сломалась бы задолго до того, как я пересек

бы границу штата в Джулсбурге. Но эту проблему, будь она главной, я бы решил. Всегда мог поехать в Линкольн и обменять «Модель-Т», доплатив шестьдесят долларов, на более надежный автомобиль. Нет, меня остановила ферма. Дом. Мой дом. Я убил жену, чтобы сохранить его, и не собирался покидать дом только потому, что глупый, не успевший повзрослеть сын отправился в свой романтический поход. Если бы я и покинул ферму, то не для того, чтобы сбежать в Колорадо. Отсюда я мог уехать только в одно место – в тюрьму штата. И туда меня доставили бы в цепях.

Случилось все это в понедельник. Вторник и среда не принесли никаких вестей. Шериф Джонс не приезжал, желая сказать, что Генри арестовали, когда он голосовал на шоссе Линкольн – Омаха, и Харлан Коттери не появлялся с сообщением (демонстрируя пуританскую удовлетворенность, конечно же), что полиция Омахи арестовала Генри по требованию сестры Камиллы и в настоящее время он сидит в кутузке, рассказывая дикие истории о ножах, колодах и джутовых мешках. На ферме царила тишина и покой. Я работал в огороде – собирал урожай овощей, чинил изгороди, доил коров, кормил кур, но делал все как автомат. В глубине души я верил, действительно верил, что все это – долгий и ужасный, невероятно запутанный сон, и, проснувшись, я увижу похрапывающую рядом со мной Арлетт и услышу стук топора Генри, колющего дрова, чтобы утром разжечь печь.

Наконец, в четверг миссис Макреди – милая и полная вдова, преподававшая основные предметы в школе Хемингфорда, – приехала на своей «Модели-Т», чтобы узнать, все ли в порядке с Генри.

– Вы знаете, по городу ходит какая-то желудочная инфекция. Вот я и подумала, а вдруг он заболел. Он так внезапно ушел из школы, – объяснила она свой приезд.

– Он заболел, это точно, – кивнул я, – только болезнь эта называется любовь, а не расстройство желудка. Он убежал из дома, миссис Макреди. – Неожиданно на глаза навернулись слезы, горячие и жгучие. Я достал платок из нагрудного кармана комбинезона, но несколько слезинок скатились по щекам до того, как я их вытер.

Когда в глазах у меня вновь прояснилось, я увидел, что миссис Макреди, любившая всех своих учеников, даже самых трудных, сама на грани слез. Она, должно быть, и без меня знала про «болезнь» Генри.

– Он вернется, мистер Джеймс. Не беспокойтесь. Я видела такое раньше и рассчитываю увидеть еще не раз до того, как выйду на пенсию, хотя ждать этого осталось недолго. – Она понизила голос, словно боялась, что петух Джордж или кто-то из его гарема мог оказаться шпионом. – Кого вы должны опасаться, так это ее отца. Он безжалостный и непреклонный. Не такой уж плохой человек, но безжалостный.

– Знаю, – ответил я. – И полагаю, вам известно, где сейчас его дочь.

Она опустила глаза. Другого ответа мне не требовалось.

– Спасибо, что приехали, миссис Макреди. Могу я попросить вас никому не рассказывать о нашей встрече?

– Разумеется... но дети уже шепчутся.

Да. Не могут не шептаться.

– У вас есть телефон, мистер Джеймс? – Она осмотрелась в поисках телефонных проводов. – Я вижу, нет. Не важно. Если я что-нибудь услышу, то просто приеду и скажу вам.

– Услышите раньше Харлана Коттери и шерифа Джонса?

– Бог позаботится о вашем сыне. И о Шеннон тоже. Знаете, они действительно были такой славной парой, все это видели. Иногда фрукт созревает слишком рано и мороз его убивает. Так печально. Очень, очень печально.

Она пожала мне руку – крепко, как мужчина, – и уехала на своем дешевом автомобильчике. Не думаю, что она отдавала себе в этом отчет, но в конце она заговорила о моем сыне и Шеннон в прошедшем времени.

В пятницу приехал шериф Джонс, за рулем автомобиля с золотой звездой на дверце. И не один – следом катил мой грузовик. Мое сердце радостно подпрыгнуло, когда я увидел грузовик, и упало, когда я рассмотрел водителя – Ларса Олсена.

Я изо всех сил старался сохранять спокойствие, пока Джонс исполнял Ритуал прибытия: подтянуть штаны, вытереть лоб (хотя день выдался холодным, а небо затягивали облака), пригладить волосы. Не получилось.

– Он в порядке? – спросил я. – Вы его нашли?

– Нет, к сожалению, не могу сказать, что нашли. – Шериф поднялся по ступенькам на крыльцо. – Обходчик обнаружил грузовик к востоку от Лайм-Биска, но никаких следов парня. Мы могли бы больше знать о его состоянии, если бы вы сразу сообщили о его побеге, так ведь?

– Я надеялся, Генри вернется сам, – пробубнил я. – Он уехал в Омаху. Не знаю, скажу ли я вам что-то новое, шериф...

Ларс Олсен крутился на границе зоны слышимости, жадно ловя каждое слово.

– Сядь в мой автомобиль, Олсен, – велел ему Джонс. – Это приватный разговор.

Ларс, смиренная душа, ретировался без единого слова. Джонс вновь повернулся ко мне. Менее приветливый, чем в прошлый приезд сюда, и совсем не такой добродушный.

– Я уже знаю достаточно, так? Этот твой мальчик обрюхатил дочь Харлана Коттери и, вероятно, помчался за ней в Омаху. Он съехал с дороги на поле с высокой травой, когда понял, что бак практически пуст. Это умно. Ум у него от тебя? Или от Арлетт?

Я промолчал, но шериф подал мне идею. Пустяковую, конечно, но она могла прийтись очень даже кстати.

– Он сделал кое-что еще, и за это мы все ему благодарны. Возможно, это даже поможет ему избежать тюрьмы. Он выдрал всю траву из-под грузовика, прежде чем продолжил путь на своих двоих. Так что выхлоп ее не поджег, знаете ли. Послужи грузовик причиной пожара, от которого пострадала бы пара тысяч акров прерий, присяжные могли отнестись к нему сурово, так? Несмотря на то что ему только пятнадцать.

– Что ж, этого не произошло, шериф, он все сделал правильно. Так о чем, собственно, речь? – Я, разумеется, знал ответ. Шериф Джонс мог недолюбливать Эндрю Лестера, адвоката, но он дружил с Харланом. Они состояли в только что созданном местном отделении ордена Лосей¹⁶, а Коттери затаил зло на моего сына.

– Немного нервничаете, так? – Шериф вновь вытер лоб, потом вернул на место стетсон. – Что ж, я бы тоже нервничал, будь это мой сын. И знаете что? Будь это мой сын, а Харлан Коттери – мой сосед, мой хороший сосед, я мог бы поехать к нему и сказать: «Харл, знаешь что? Думаю, мой сын мог поехать в Омаху, чтобы попытаться увидеться с твоей дочерью. Ты, вероятно, захочешь дать знать кому-нибудь, чтобы он не застал там никого врасплох». Но вы этого не сделали, так?

Идея, которую он мне подал, окончательно сформировалась. Пришла пора озвучить ее:

– Он не показался там, где она живет, да?

– Еще нет, не показался, но, возможно, он ищет это место.

– Не думаю, что он убежал, чтобы повидаться с Шеннон, – заявил я.

– Тогда зачем? Или вы считаете, что в Омахе более вкусное мороженое? Потому он и поехал именно туда?

– Я считаю, он поехал на поиски матери. Думаю, она, возможно, как-то связалась с ним.

¹⁶ Имеется в виду благотворительный орден Лосей.

Мои слова заставили шерифа замолчать на добрых десять секунд. Этого ему хватило, чтобы вновь вытереть лоб и пригладить волосы.

– Как она смогла это сделать? – наконец спросил он.

– Я предполагаю, письмом. – «Бакалея» в Хемингфорд-Хоуме служила также и почтовым отделением, куда приходили письма. – В магазине могли передать Генри письмо, когда он зашел туда за сладостями или пакетиком орешков, как он часто делает, возвращаясь из школы. Я не знаю этого наверняка, шериф, как и не знаю, почему, появляясь здесь, вы ведете себя так, будто я совершил преступление. Это не я накачал ее.

– Не надо так говорить о хорошей девочке.

– Может, и не надо, но для меня случившееся стало таким же сюрпризом, как и для Коттери, а теперь моего мальчика нет. Харлан и Салли по крайней мере знают, где сейчас их дочь.

Вновь мои слова поставили его в тупик. Достав из заднего кармана брюк маленький блокнот, он что-то записал. Убрав блокнот, спросил:

– Но вы не можете с уверенностью утверждать, что ваша жена связывалась с ним... Это вы мне говорите? Речь всего лишь о предположении?

– Генри часто вспоминал о матери после ее отъезда, а потом перестал. И сейчас я знаю, что он не появился там, куда Харлан и его жена отвезли Шеннон. – Это меня удивляло ничуть не меньше, чем шерифа Джонса... но и радовало. – И что мы получим, если сложить два и два?

– Не знаю. – Джонс хмурился. – Действительно, не знаю. Я думал, что во всем разобрался, но я ошибался и раньше, так? Да, и еще буду ошибаться. Мы все ошибаемся, вот что говорит Книга. Но, Бог свидетель, дети усложняют мне жизнь. Если ваш сын свяжется с вами, Уилфред, предложите ему вернуться домой и держаться подальше от Шеннон, пусть он и знает, где она. Она не захочет его видеть, это я гарантирую. Хорошая новость – обошлось без пожара в прериях и мы не можем арестовать его за кражу грузовика собственного отца.

– Не можете, – мрачно согласился я. – Вы не заставите меня обвинить его в чем-либо.

– Но!.. – Шериф поднял палец, напомнив мне мистера Стоппенхаузера из банка. – Тремя днями раньше, на окраине Лайм-Биска, неподалеку от места, где нашли грузовик, кто-то ограбил бакалейную лавку и заправочную станцию, с девочкой в синем чепчике на вывеске. Взяли двадцать три доллара. Сообщение об этом лежит на моем столе. Молодой парень в потрепанной ковбойской одежде, с банданой, закрывшей рот, и в надвинутой на глаза шляпе с широкими полями. За прилавком стояла мать хозяина, и грабитель пригрозил ей чем-то тяжелым. Она думала, это лом или кочерга, но кто знает? Ей за восемьдесят, и она наполовину слепа.

Теперь пришла моя очередь молчать. Меня словно оглушили. Наконец я выдавил:

– Генри уехал из школы, шериф, и, насколько помню, в тот день он был во фланелевой рубашке и вельветовых брюках. Одежду он с собой не взял, да и в любом случае ковбойской у него нет, если вы про сапоги и все такое. Нет у него и шляпы с широкими полями.

– Но он ведь мог все это украсть?

– Если вы больше ничего об этом не знаете, то лучше остановиться. Мне известно, что вы дружите с Харланом...

– Ладно, ладно, это совершенно ни при чем.

Но мы оба знали, что очень даже при чем, однако идти и дальше этой дорогой никаких причин не было. Возможно, мои восемьдесят акров не могли тягаться с четырьмя сотнями акров Харлана Коттери, но я оставался землевладельцем и налогоплательщиком и не желал, чтобы меня запугивали. На это я намекал, и шериф Джонс прекрасно меня понял.

– Мой сын не грабитель, и он не угрожает женщинам. Он так себя не ведет, потому что его не так воспитывали.

Во всяком случае, до последнего времени, вступил внутренний голос.

– Возможно, грабил бродяга, искавший способ быстренько разжиться деньгами, – пожал плечами Джонс. – Но я чувствовал, что должен об этом упомянуть, вот и упомянул. Мы не можем знать, что скажут люди, правда? Разговоры идут. Все говорят, так? Слова ничего не стоят. Для меня дело закрыто. Пусть шериф округа Лайм тревожится о том, что происходит в Лайм-Биске. Таков мой девиз, но вам следует знать: полиция Омахи приглядывает за тем местом, где находится Шеннон Коттери. Вы понимаете, на случай, если ваш сын с вами свяжется. – Он пригладил волосы и в последний раз надел шляпу. – Может, он вернется сам, никому не причинив вреда, и тогда мы сможем списать все это дело, как... ну, не знаю... как безнадежные долги.

– Отлично. Только не называйте его плохим сыном, если, конечно, не будете называть Шеннон Коттери плохой дочерью.

Судя по тому, как раздулись ноздри шерифа, мои слова ему не понравились, но развивать тему он не стал.

– Если Генри вернется и скажет, что виделся с матерью, дайте мне знать, хорошо? Она у нас числится в списке без вести пропавших. Глупо, я понимаю, но закон есть закон.

– Обязательно это сделаю.

Он кивнул и направился к своему автомобилю. Ларс сидел за рулем. Джонс его шуганул – он относился к тем, кто всегда сам водит свою машину. А я думал о молодом человеке, ограбившем лавку и заправочную станцию, и пытался убедить себя, что мой Генри никогда бы такого не сделал, даже если бы его загнали в угол. Ему не хватило бы дерзости и ловкости украсть одежду из чужого амбара или сарая. Но теперь Генри стал другим, а убийцы обучаются многому и быстро, так? Речь же идет о выживании. Я подумал, что, возможно...

Нет. Таким образом я это представлять не стану. Слишком уж неубедительно. Это мое признание, мое последнее слово и все такое, и, если не смогу написать правду, всю правду и ничего, кроме правды, какой от него прок? Кому нужно такое признание?

И все же это был он. Генри. Я видел по глазам Джонса, что он заговорил о придорожном ограблении только по одной причине: я не вилял перед ним хвостом, как ему того хотелось, но я в это поверил. Потому что знал больше, чем шериф Джонс. Генри помог отцу убить свою мать, а что в сравнении с этим кража чужой одежды или размахивание ломом перед старушкой? Сущий пустяк. И если он пошел на кражу один раз, то пойдет и второй, как только закончатся двадцать три доллара. Вероятно, в Омахе. Там его и поймают. А потом всплывет все остальное. Почти наверняка всплывет.

Вернувшись на крыльцо, я сел и закрыл лицо руками.

* * *

День сменялся днем. Я не знал, сколько их прошло, только все выдались дождливыми. Когда осенью зарядит дождь, все дела под открытым небом приходится откладывать, а у меня не было такого количества домашнего скота или приусадебных построек, чтобы заполнить все долгие часы работой под крышей. Я пытался читать, но слова не желали складываться в предложения, хотя время от времени отдельные из них просто прыгали со страницы в глаза и кричали. Убийство. Вина. Предательство. Такие вот слова.

Днями я в овчинном полушубке, защищающем от сырости и холода, просиживал на крыльце с книгой на коленях и смотрел, как дождевая вода капает с крыши. Ночами лежал без сна чуть ли не до рассвета, слушая, как стучит дождь по крыше. Словно кто-то застенчиво просил открыть дверь и пустить на ночлег. Я слишком много думал об Арлетт, которая теперь делила колодец с Эльпис. Начал представлять, что она... нет, не ожила (нервное напряжение не отпускало меня, но с ума-то я не сошел), но каким-то образом осознает происходящее. Каким-

то образом наблюдает за разворачивающимися событиями из убогой могилы и получает удовольствие.

Тебе нравится, как все обернулось, Уилф? – спросила бы она, если бы смогла (и в моем воображении спрашивала). *Оно того стоило? Что скажешь?*

Примерно через неделю после визита шерифа, когда я сидел, пытаюсь читать «Дом о семи фронтонах»¹⁷, Арлетт пробралась мне за спину, перегнулась через плечо и постучала по моей переносице холодным, мокрым пальцем.

Я отбросил книгу на напольный вязанный крючком ковер гостиной и, вскрикнув, вскочил. Когда я это сделал, холодная подушечка пальца прошла по уголку моего рта. Потом коснулась макушки, там, где волосы начали редеть. На этот раз я рассмеялся – нервно и зло – и наклонился, чтобы поднять книгу. При этом последовало новое прикосновение – к загривку, словно моя жена интересовалась: *Теперь я завладела твоим вниманием, Уилф?* Я отступил в сторону – чтобы холодный и мокрый палец не угодил в глаз – и поднял голову. Потолок над головой изменил цвет – с него капало. Штукатурка еще не начала отслаиваться, но если бы дождь продолжился, так бы и произошло. Куски штукатурки могли даже падать на пол. Протечка обнаружилась именно над тем местом, где я всегда читал. Понятное дело. В других местах с потолком ничего не случилось, во всяком случае, пока.

Мне вспомнились слова Стоппенхаузера: *Или ты хочешь мне сказать, что в ферму не надо вкладывать деньги? Не надо чинить крышу?* И его озорной взгляд. Как будто он знал. Как будто он и Арлетт были в этом заодно.

Выбрось эту глупость из головы, приказал я себе. Ты думаешь о ней, пребывающей там, внизу, и одно это уже плохо. Выели черви ей глаза? Съели насекомые ее острый язык или хотя бы затупили его?

Я подошел к столу в углу комнаты, взял бутылку, которая на нем стояла, и налил себе добрую порцию виски. Рука дрожала, но не так чтобы сильно. Выпил виски в два глотка. Я знал, это плохо, если выпивка войдет в привычку, но не каждый вечер мужчина чувствует, как мертвая жена постукивает его по носу. Спиртное подняло мне настроение. Уверенности в себе прибавилось. Мне не требовались семьсот пятьдесят долларов по закладной, чтобы залатать крышу. Я мог это сделать одной доской после того, как закончится дождь. Конечно, латка будет выглядеть уродливо. Из-за нее дом станет напоминать, как сказала бы моя мать, лачугу. Да и ушло бы на ремонт день-два. Мне же требовалась работа на всю зиму. Тяжелая работа, способная отогнать все мысли об Арлетт на ее земляном троне, об Арлетт в джутовой *сеточке для волос*. Мне необходима была работа, после которой от усталости я валился бы в кровать и засыпал сразу, а не лежал, прислушиваясь к стуку дождя и гадая, не попал ли под него Генри, не кашляет ли сейчас от простуды. Иногда работа служила единственным спасением, единственным ответом.

На следующий день я поехал на грузовике в город и сделал то, о чем никогда не подумал бы, не возникни у меня необходимость одолжить тридцать пять долларов, – заложил дом за семьсот пятьдесят долларов. В конце концов мы попадаем в ловушки, которые сами же и ставляем. Я в это верю. В конце концов мы всегда попадаемся.

На той самой неделе в Омахе молодой человек в шляпе с широкими полями вошел в ломбард на Додж-стрит и купил никелированный пистолет тридцать второго калибра. Он заплатил пять долларов, несомненно, из тех, которые отобрал у полуслепой старухи, торговавшей бакалеей под вывеской с девочкой в синем чепчике. На следующий день молодой человек в надвинутой на глаза шляпе с широкими полями и в красной бандане, закрывавшей рот и нос,

¹⁷ «Дом о семи фронтонах» – роман американского писателя Натаниэла Готорна (1804–1864).

вошел в расположенное в Омахе отделение Первого сельскохозяйственного банка, направил пистолет на симпатичную молодую кассиршу, ее звали Рода Пенмарк, и потребовал отдать ему все деньги. Она протянула двести долларов, по большей части купюрами по одному и пять долларов, их обычно достают фермеры из нагрудных карманов комбинезонов.

Когда парень уходил, одной рукой засовывая деньги в карман брюк (он явно нервничал, поскольку несколько банкнот упали на пол), пузатый охранник – вышедший на пенсию полицейский – сказал ему:

– Сынок, ты же не хочешь этого делать.

Молодой человек выстрелил из своего пистолета тридцать второго калибра в воздух. Вокруг закричали.

– Пока еще я не хочу застрелить вас, – сказал молодой человек сквозь бандану, – но застрелю, если придется. Отойдите к этой колонне, сэр, и оставайтесь там, если хотите, чтобы все для вас хорошо кончилось. Мой друг ждет на улице, так что не дергайтесь.

Молодой человек выбежал за дверь, на ходу сдергивая бандану с лица. Охранник выждал минуту или около того, потом вышел из банка с поднятыми руками (оружия у него не было), на тот случай, если за дверью стоит кто-то еще. Никого, разумеется, не было. В Омахе знакомых у Генри не имелось, за исключением подруги, в животе которой рос ребенок.

Из денег по закладной двести долларов я взял наличными, а остальные положил на счет в банке мистера Стоппенхаузера. Поехал за покупками в магазин скобяных товаров, на лесопилку, в бакалею, где Генри мог получить письмо от матери... будь она жива и могла что-то написать. Выезжал из дома в морозящий дождь, а когда вернулся, уже шел дождь со снегом. Я разгрузил доски, стойки и кровельную дранку, покормил кур, покормил и подоил коров, разложил продукты, в основном макароны и крупы, которыми я в отсутствие Арлетт главным образом и питался. Покончив с этим, поставил на дровяную плиту кастрюлю с водой, чтобы помыться, и стянул с себя мокрую одежду. Вытащил пачку денег из нагрудного кармана, сосчитал: у меня оставалось чуть меньше ста шестидесяти долларов. Почему я взял наличными такую большую сумму? Потому что думал совсем о другом. *И о чем или о ком, позвольте узнать?*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.